

РАЗДЕЛ I. ИЗ ИСТОРИИ ОТДЕЛА ФОЛЬКЛОРА ПУШКИНСКОГО ДОМА

А. А. ГОРЕЛОВ

ИЗ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО ОТДЕЛА ФОЛЬКЛОРА ИРЛИ

Завершались приснопамятные 30-е гг. XX в., когда в Пушкинском Доме произошло важное событие, капитально дополнившее его структуру, расширившее сферу гуманитарных исследований и вместе с тем придавшее необходимую целостность тому сложному научному организму, каким уже являлся в течение третьего века тогдашний Институт новой литературы Академии наук СССР, — в него влился Отдел фольклора.

Биография Отдела даже в пунктирном изложении обнаруживает достаточно прямую связь с движением общества по рельефам Истории: фольклор как традиционное устное творчество народа всегда предъявлял его сотрудникам требование непосредственного изучения текущих социально-культурных процессов, проецирующихся на путь этноса. Фольклористика неизменно базировалась на полевых исследованиях, где ученые и народ пытливно всматривались друг в друга, где искусство народное как всепроникающее начало национального бытия требовательно расширяло горизонты познания и ставило его на демократическую почву. Отсвет народности искони озарял фольклористику как историко-филологическую научную дисциплину, что сохраняется вплоть до наших дней.

Отдел фольклора вошел в ИРЛИ как готовая ячейка, имевшая собственную предысторию: в 1931 г. в составе Института по изучению народов СССР Академии наук была создана Фольклорная секция, далее переоформленная в Фольклорную комиссию, в 1933 г. комиссию штатно включили в новый академический Институт антропологии, этнографии и этнологии; на исходе 1938 г. Постановлением Президиума АН СССР (№ 66 от 11 дека-

бря) Фольклорная комиссия была преобразована в Отдел фольклора народов СССР, за чем последовал перевод новообразованного отдела в Институт литературы (Пушкинский Дом).

В марте 1939 г., после десятилетних административно-организационных колебаний и экспериментов, воплотилось в жизнь предложение академика П. Н. Сакулина, выдвигавшееся им при создании Института литературы. Еще в 1930 г., обдумывая возможности перспективного планирования работы для предполагавшейся штатной группы фольклористов в Институте на 1931 г., директор так очерчивал круг исследований, вытекавших из природы народного творчества и профиля Института: «Устная (народная) поэзия живет с древнейших времен и составляет существенный ингредиент общей литературной жизни всех периодов. В этом качестве она и должна входить в программу занятий Института».¹ Перед будущим Отделом устной поэзии выдвигались внушительные и увлекательные программные цели: «а) Собрание материалов, необходимых для изучения устной поэзии <...> с середины XVII в. (т. е. от момента возникновения прямых сохранившихся записей фольклора. — А. Г.) до наших дней; б) организация научных экспедиций для <...> собирания произведений устной поэзии в разных местностях Союза в разной социальной среде <...>; в) изучение устной поэзии в историко-социологическом плане; г) изучение устной поэзии в ее общелитературных связях».² Институтские планы П. Н. Сакулина подразумевали задачи исследования памятников художественной отечественной словесности в полном ее объеме — и книжной литературы, и поэтического фольклора. Это как нельзя лучше отвечало пушкинскому взгляду на неразрывность русской национальной словесной культуры при ее историческом движении: «Простонародное наречие необходимо должно было отделиться от книжного; но впоследствии они сблизились, и такова стихия, данная нам для сообщения наших мыслей» (1825).³

Новообразованный Отдел фольклора возглавил бывший председатель Фольклорной комиссии проф. М. К. Азадовский.⁴ Отделу были переданы для фондового хранения и изучения материалы фольклорно-этнографических экспедиций Государственного Института истории искусств на Север России и географически однородные накопления частных коллекций (русский фольклор Заонежья, Пинеги, Мезени, Печоры, Кулоя, Беломорья),

¹ Баскаков В. Н. Пушкинский Дом. 2-е, доп. изд. Л., 1988. С. 207.

² Там же. С. 208.

³ Пушкин А. С. ПСС: В 10 т. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 27.

⁴ Астахова А. М. Фольклорная комиссия при Институте этнографии Академии наук СССР в 1937—1938 гг. // Советский фольклор. 1941. № 7. С. 267—271.

записи из Средней Азии (узбекский, туркменский, таджикский фольклор), с Волыни (еврейский фольклор), записи экспедиций Ленинградской государственной консерватории в Закавказье (армянский фольклор), на Украине, в Белоруссии, Сибири (в том числе народное творчество «семейских», бурят-монгольский фольклор) и целая серия других коллекций.⁵ Состоял Отдел из научно-исследовательской группы и трех базовых фондовых подразделений, активно действующих и в настоящее время. Это — Рукописное фольклорное хранилище,⁶ Фонограммархив, Справочно-библиографический кабинет со специализированной подручной библиотекой фольклорно-этнографической литературы.⁷

Итак, ИРЛИ принял сплоченное академическое исследовательское звено, объединявшее первоклассных фольклористов, успешно трудившихся в народознании над изучением различных жанровых комплексов и форм музыкально-поэтических, собственно словесных, обрядовых и внеобрядовых культурных традиций нескольких этносов Европы и Азии, а приоритетно — восточнославянского. Начался отсчет времени нового организационно-научного этапа существования петербургской школы фольклористики. Ее отныне олицетворяла многогранная деятельность плеяды советских фольклористов старшего поколения в стенах Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук.

Руководитель Отдела М. К. Азадовский (1888—1954) уже имел широкую известность как энтузиаст фольклористики (он даже шутливо именовал себя «крайним и узким шовинистом» от фольклористики),⁸ но одновременно и как этнограф и литературовед: еще до Октябрьской революции он совершил продуктивные личные экспедиции в казачьи поселения Амура, русские деревни Лены. Пореволюционный выпуск его записей народной поэзии «Ленские причитания» (1922), «Верхнеленские сказки» (1938), публикация «Сказок из разных мест Сибири» (1928), двухтомника «Русская сказка» (1938) были подкреплены кипучей параллельной научно-организаторской работой. Он сотрудничал в крупных фольклористических изданиях Сибири (шефствовал как соредaktor над новооткрытым журналом Русского

⁵ *Астахова А. М.* Рукописное хранилище при Фольклорной секции ИАЭ АН СССР // Советский фольклор. 1936. № 2—3. С. 435—440.

⁶ В 1980-е гг. включено в состав Рукописного отдела ИРЛИ, что — вопреки специфике предмета исследований — разобщило единые словесные и музыкальные фонды записей, разъяло целостность неделимых коллекций.

⁷ *Баскаков В. Н.* Пушкинский Дом. С. 211.

⁸ Из писем М. К. Азадовского (1919—1941) / Публ. Л. В. Азадовской // Из истории русской фольклористики. Л., 1978. Вып. 1. С. 216.

географического общества «Сибирская живая старина»), Москвы и Ленинграда, возглавлял созданную им кафедру фольклора в Ленинградском университете (1934—1949). Универсализм культурно-исторических увлечений (к ним относилось и коллекционирование произведений русской живописи начала XX в.), энергичное осуществление исследований и добротное печатание памятников фольклора, коммуникабельность, искренняя забота о консолидации сил фольклористов, в том числе о рекрутировании в науку о народном творчестве способной молодежи, обеспечивали за ним положение лидера.

Бок о бок с Азадовским трудились исследователи, закладывавшие основы фольклористики советского периода, изведавшие все перипетии бурного становления новых концепций науки о народном творчестве. В числе сотрудников Отдела имелись крупные собиратели классического фольклора, занимавшиеся экспедиционным обследованием метрополии национальной поэзии русского народа — Европейского Севера. Центральной фигурой была А. М. Астахова, фольклорист-словесник, уже прославившаяся выпуском первого тома практически сплошь собственных записей былин Северного края.⁹ Пионеры советской музыкальной фольклористики Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд незадолго до прихода в Пушкинский Дом выпустили по материалам преимущественно личных полевых записей устной поэзии, осуществленных в 1920-е гг., сборник песен Архангельщины.¹⁰ Серьезнейший вклад в изучение народной прозы вносили исследования замечательных сказковедов А. И. Никифорова, Н. П. Андреева, И. В. Карнауковой. Даровитый интерпретатор детского фольклора Г. С. Виноградов как никто до него глубоко проникал в суть поэзии детства. Собирательницей и издателем песен социального протеста позднефеодальной эпохи показала себя А. Н. Лозанова. Увлеченно изучала крестьянскую обрядовую и необрядовую лирику Н. П. Колпакова. Репертуар фабрично-заводского пролетариата фиксировала П. Г. Ширяева. Ответственную обязанность архивариуса Отдела исполняла рачительная хранительница фондовых материалов Г. Г. Шаповалова.

Примечательно, что в прямом сотрудничестве с Отделом находились ведущие исследователи фольклора разных народов, этнографы, лингвисты, искусствоведы, исследователи ли-

⁹ *Астахова А. М.* Былины Севера. Т. 1: Мезень и Печора. М.; Л., 1938. Позже выйдет книга-продолжение, ее записи былин соседних регионов: *Астахова А. М.* Былины Севера. Т. 2 : Прионежье, Пинега и Поморье. М.; Л., 1951.

¹⁰ *Гиппиус Е. В., Эвальд З. В.* Песни Пинежья : Материалы фонограмм-архива, собр. и разраб. Е. В. Гиппиус, З. В. Эвальд / Под общ. ред. Е. В. Гиппиус. М., 1937. Кн. 2.

тературно-фольклорных взаимосвязей, крупные академические и университетские ученые И. И. Толстой, В. М. Жирмунский, В. Я. Пропп, Е. Г. Кагаров, Н. П. Гринкова, В. П. Адрианова-Перетц, М. П. Алексеев, В. И. Чернышев, В. Н. Всеволодский-Гернгросс. К работе Отдела подключались, обогащая спектр научных интересов, ученые-«побратимы» учреждений Москвы, Петрозаводска, Перми и иных центров российских областей, автономий, а также союзных республик. Писатели, деятели искусства, литературные критики также были причастны к работе Отдела.

Внедрение в структуру Института литературы АН СССР, сосредоточенного на работе по проблемам русистики, Отдела фольклора, исследовавшего весь комплекс устной поэзии народов СССР, означало резкое расширение круга создаваемых институтских трудов за счет инерционно привнесенных тематических разработок, начатых в Институте этнографии и антропологии. По этой причине в 1941 г. Пушкинским Домом были изданы превышавшие пределы его органической компетенции «Белорусские народные песни» под ред. Е. В. Гиппиуса, первый том «Марийских сказок» под ред. М. К. Азадовского. В 1939 г. был опубликован 6-й том сборника «Советский фольклор», посвященный теме «Великая Октябрьская революция в творчестве народов СССР». Фонограммархив, выпустивший под руководством Е. В. Гиппиуса музыкальные записи ряда народностей Советского Союза (белорусы, чувашаи, удмурты, мари, карелы, вепсы, коми), продолжал эту работу, обещая публикацию материалов по 60 народностям СССР (в том числе башкир, татар, калмыков, цыган). Дальнейший выход к интернациональному материалу означал бы необходимость кадрового обеспечения Института русской литературы специалистами, способными к тонким экспертизам и исследовательским штудиям поэзии, музыки, бытовых традиций народностей разных фольклорно-языковых семей. Это ориентировало бы Пушкинский Дом на перемену профильных занятий либо подготовку к созданию отдельного и особого института фольклора народов СССР. В Пушкинском Доме было принято естественное решение продолжить сотрудничество с национальными отрядами союзной фольклористики, не подменяя их в решении специфических историко-культурных задач.

Логика фундаментального укрепления ИРЛИ требовала скорейшего преобразования Отдела фольклора народов СССР в Отдел русского фольклора с установками: 1) изучение устной поэзии русского народа; 2) изучение взаимоотношений фольклора и литературы, в частности взаимоотношений древнерусской литературы и фольклора в древнейший период русской истории (по этой проблематике в Пушкинском Доме усилиями

литературоведов создавались труды А. С. Орлова, В. Ф. Ржиги, В. Л. Комаровича, В. В. Данилова и других ученых); 3) переход к систематическому изданию воистину океанических по масштабам архивных накоплений и разрозненных публикаций записей русского фольклора; 4) исследование состояния современного народного творчества. Совершалось восстановление той дисциплинарной ситуации в исследованиях народной поэзии, которая существовала до Октября, когда фольклористика обитала под патронатом II отделения Императорской Академии наук.

Для изучения культурно-исторических пластов русского народного творчества, для издания памятников русского фольклора в деятельности бывшей Фольклорной секции Академии наук также имелись серьезные заделы. Недаром в 1937 г. была сдана в издательство составленная Е. В. Гиппиусом, З. В. Эвальд и Л. Н. Лебединским трехтомная антология «500 русских народных песен», в 1938 г. вышел в свет под редакцией Е. В. Гиппиуса и З. В. Эвальд сборник «Народные песни Вологодской области», составленный по материалам записей коллег-словесников А. М. Астаховой, Н. П. Колпаковой и музыковедов В. В. Великанова и Ф. А. Рубцова. Во внеплановом порядке иногда в сотрудничестве с внеакадемическими издательствами, с учеными других городов, в особенности Москвы и Петрозаводска, в предвоенный период публикуются при участии фольклористов Пушкинского Дома издания фольклорной классики. Только М. К. Азадовский курировал издания: «Народные русские сказки» А. Н. Афанасьева (М.; Л.: Academia, 1936—1941. Т. 1—3), «Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом» (М.; Л., 1938. Т. 2—3), *Афанасьев А. Н. Народные русские сказки: Избранные тексты* (Л., 1940), «Былины и исторические песни из Южной Сибири : Записи С. И. Гуляева» (Новосибирск, 1939). Из новых публикаций существенными для науки обретениями были: «Сказки Магая (Е. И. Сорокиной)» (Зап. Л. Элиасова, М. Азадовского; Под общ. ред. М. К. Азадовского. Л., 1940); «Сказки Ф. П. Господарева» (общ. ред., предисл. М. К. Азадовского. Петрозаводск, 1941).

С первых шагов пребывания в ИРЛИ развернулась начатая в 1938 г. работа над коллективной концептуальной трехтомной монографией «Русский фольклор», для которой в предвоенный период достаточно быстро были написаны крупные фрагменты разделов. Первый том должен был открываться вступлением Н. П. Андреева «Проблема фольклора», где ставился вопрос о фольклористике как области науки.¹¹ За ней предполагалось дать обширный очерк М. К. Азадовского по отечественной

¹¹ *Астахова А. М. Фольклорная комиссия при Институте этнографии...* С. 369.

фольклорной историографии. Второй том — согласно плановой разверстке — отдавался рассмотрению жанров дооктябрьского фольклора. Третий том посвящался фольклору советскому.¹² Кое-что позднее будет перестроено: в сданном в печать в 1947 г. начальном томе окажутся кроме разделов Андреева и Азадовского исследования по истории жанров и традиционно комплектуемых групп фольклорного материала в их этнографической аттестации: «Календарно-обрядовая поэзия» (автор А. И. Никифоров), «Заговоры» (автор А. М. Астахова), «Загадки», «Причитания» (автор Г. С. Виноградов), «Свадебная поэзия» (автор Э. В. Гофман-Померанцева). В 1948 г. том пройдет переработку М. К. Азадовского. Для второго тома еще до Великой Отечественной войны были представлены главы о былинах (А. М. Астаховой), о сказке (В. Я. Проппа), об исторических песнях (П. И. Калецкого; послевоенная доработка выполнялась А. Н. Лозановой). После войны здесь же будет отведено место очерку В. Ю. Крупянской о народном театре. Третий том, не завершённый вплоть до 1947 г., должен был включить не только раздел о советском фольклоре, но и статьи о лирической песне (ее начинала писать перед войной З. В. Эвальд, продолжить работу соглашалась А. М. Астахова).¹³

Монография «Русский фольклор», по словам ее участницы А. М. Астаховой, преследовала главную цель — «подвести итог тому, что сделано дореволюционной фольклористикой, и дать научное изложение и обобщение результатов, достигнутых советской фольклористикой», для чего авторы статей привлекали «большой фактический материал, зачастую совершенно свежий или малоизвестный», а «основные проблемы фольклористики» ставились и освещались в нем «по-новому».¹⁴

На этой информативно-программной заявке Отдела, предпосылавшейся исполнению его основного труда, приходится остановиться, хотя она имеет предельно обобщенную, деконкретизированную формулировку. Деятельность Отдела начиналась в откровенно жесткой социально-исторической ситуации, которая сложилась в стране к концу 1930-х гг. и которая, определяя характер работы фольклористики как гуманитарной отрасли, диктовала образ поведения ученых. По причине особенностей

¹² Из писем М. К. Азадовского (1941—1945) / Публ. Л. В. Азадовской // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С. 244.

¹³ Россыпь разнородных материалов-заготовок к неопубликованной монографии «Русский фольклор» хранится в архиве: РО ИРЛИ, р. V, кол. 17, п. 2, № 1; п. 3, № 1; п. 10, № 1, 8, 10; п. 11, № 2; п. 15, № 1; п. 17, № 3—6; п. 28, № 3; п. 30, № 3.

¹⁴ Астахова А. М. Фольклорная комиссия при Институте этнографии... С. 269.

их материала они вместе с краеведами то и дело оказывались «на линии огня». Несмотря на приверженность апробированным демократическим методикам объективной характеристики народнопоэтических материалов — методикам, ставшим научным навыком и традицией еще в дореволюционном народознании, они были поставлены перед необходимостью ограничения области своих интересов, обеднения и деформации своего предмета. Пореволюционный период вводил в особую фазу прежде всего практику собирательства. Честная и тщательная регистрация фактов фольклора — основа изучения духовной жизни демоса — попадала под пристальный надзор недреманных «горлита» и «главлита». Между тем от фольклористики требовались учет и собирание живых народнопоэтических памятников, запечатлевавших мировоззрение этноса в конфликтную эпоху, отражавших переменность массового переживания, осмысленные события революции, гражданской войны, строительство нового общественного строя, новых государственности, экономики, когда народ везде оказывался по обе стороны классовых баррикад, а психология совокупного общенародного множества и частного человека намагничивались политическими страстями. Россия как держава преимущественно земледельческого населения на глазах утрачивала формы традиционного, слагавшегося веками бытового уклада, и эта денационализация быта была далекой от действительного прогресса. Старина обнаруживала свою стойкость, особенно в глуши, но со всех властных трибун получала обидные и несправедливые ярлыки «реакционности», «отсталости». Всюду прививалась новь. Победительный аллюр коллективизации, с ее траурным голодным прологом и такими же ближайшими следствиями без сожаления выводил в расход прежнюю житейскую обрядность, ломал календарные обычаи русской деревни.

Фольклористы-собиратели, по обыкновению выезжавшие за фольклором в сельскую местность, собрали до конца 1920-х гг. немало ценнейших свидетельств того, что деревня «в первые годы Советской власти <...> представляла собой поистине поле битвы»,¹⁵ но введение политической цензуры на печатное слово, а затем общеобязательность установки на «идейно-эстетический отбор» фиксируемых фольклорных материалов, требование приоритетной представленности в записях «явлений зарождающейся социалистической культуры»,¹⁶ фактически независимо от репре-

¹⁵ Крупянская В. Ю. Советское народное поэтическое творчество 20-х годов // Русское народнопоэтическое творчество : Материалы для изучения общественно-политических воззрений народа // Труды Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М., 1953. Нов. сер. Т. 20. С. 216.

¹⁶ Там же. С. 198.

зентативности и реальной роли вне­традиционных явлений в действительности, создали к концу 30-х гг., когда фольклористика обживалась в стенах Пушкинского Дома, прежде немисли­мую ситуацию стерилизации материала. Уже на этапе соби­рания фольклора происходил разрыв с истиной. Произволь­ность и авто­матизм в выставлении «оценок» полевому материалу понемногу становились спутниками научной среды при освещении эволю­ции народной культуры. Высокое державное руководство не счита­лось с «правдой сущей» (А. Твардовский), социальные «педа­гогемы» времени обязывали общественную науку решать задачи с предуказанным ответом. Симптоматичными для фольклори­стического народознания стали выхолащивающие его природу утраты: со страниц фольклорных изданий исчезает жанр фоль­клорно-этнографического очерка с точными описаниями под­робностей сельского существования, распространенный в докол­хозный период; фильтрация фольклорных материалов постигает и стадию их записи, и стадии архивного хранения и публикаций, часть материалов уничтожается; академическая наука выглядит ветвью партийно опекаемой пропагандистской службы с неми­нуемым редактированием произведений-подлинников фолькло­ра; достоверные записи в публикациях замещаются продуктами декоративной «художественной самодеятельности», уравнивание которой с настоящим фольклором в поле науки оскопляло осно­вополагающий термин «фольклор».

Фольклор как устное стихийное творчество масс в русской науке, обращенной лицом к поэзии национально-народного боль­шинства (в первую очередь, но не исключительно — крестьян­ства), творившего художественные и бытовые традиции, всегда пред­ставал как слово и музыка, отмеченные высоким уровнем, естественной вариативности в рамках канона. Вариативность выступала созидающим фактором — хранительницей моделей традиционной художественности — от поэтических образов, структур-композиций до ритмических и словесных форм. Вари­ативность продуцировала новое в сфере эстетических подоби­ев, поддерживала систему установившихся норм, впаянных в пред­определенность быта. Она всегда являлась неопровержимым сви­детельством массовости приятий и распространенности явлений фольклора, выступала контролирующим критерием их подлин­ности.

В новых условиях этот критерий был «отозван». Параллельно происходила подмена классического научного термина «фоль­клор» двусоставным синонимом «советский фольклор» и трех­составным «советское народное творчество», не отвечавшими традиционными наименования предмета исследования. Практика отдавала первенство синонимам, несшим смысл обед­няющий и, как правило, политизированный. Реальность налага-

ла свою печать и на деятельность фольклористов Пушкинского Дома.

Было бы глубочайшим упрощением процесса развития науки, однако, толковать позитивный отклик многих ученых на доктринальные партийно-политические призывы лишь как явления социальной мимикрии. Общественный романтизм не миновал корпорацию ученых. Пафос устремленности к переделке мира на высших началах разума и справедливости был ей также присущ. Освещавшиеся теорией марксизма-ленинизма убеждения нередко гипнотизировали, подталкивали к опережению реальности искомыми фактами, которые должны были и могли быть созвучны реальным трудовым победам, особенно волновавшим молодежь. Говоря об истории гуманитарного знания советского периода, нельзя забывать, что в новых поколениях поселялась искренняя тяга к самоотверженному строительству социализма, действительная солидарность с тезисами энергично внушавшейся новой идеологии. Неудивительно в этой последней связи констатировать, что к «эталонному» государственному «корпусу» образцов «советского фольклора» — юбилейному сборнику 1937 г. «Творчество народов СССР», имевшему лишь фрагментарное отяжеление фольклором подлинным, — к монументальному тому, наполненному «новинами» мастеров фольклора, составленному с помощью писателей и партийных функционеров (главная редакция: А. М. Горький, Л. З. Мехлис, А. И. Стецкий), — примыкали сотни аналогичных публикаций, принадлежавших и рядовым, и правофланговым фольклористам. Они словно наперебой расписывались в праздничной «книге визитов» высокого начальства, демонстрируя лояльность политической поведения. Среди публикаций произведений о гражданской войне, ее героях, о первых лицах партии большевиков, о трудовых подвигах можно увидеть и вклад фольклористов, образовавших Отдел фольклора Института русской литературы. Драматично-переменчивое время сурово обошлось с подлинным фольклором 1920—1930-х гг. на общественные темы, имевшим различную идеологическую окраску, и оттого при оценке предвоенного развития фольклористики следующими поколениями пушкинодомских фольклористов этот факт торможения науки получит надлежащую оценку.¹⁷ О серьезности фактографических фольклорных утрат за эпохальную треть века — от революции до середины 1950-х гг. — будет точно сказано: «...даже о

¹⁷ См.: Емельянов Л. И. Методологические вопросы фольклористики. Л., 1978; Горелов А. А. 1) Принцип историзма и некоторые проблемы изучения русского фольклора // Русский фольклор. Л., 1976. Т. 16. С. 250—262 (статья была написана в 1964 г.); 2) От редактора // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. Вып. 4—5. С. 3—4.

фольклоре XVI—XVII вв. <...> мы знаем гораздо больше, чем о фольклоре советского времени».¹⁸

Трудности становления новообразованного Отдела фольклора ИРЛИ АН СССР и трудности индивидуальных путей ученых на рубеже 1930—1940-х гг. во многом определялись попыткой политического руководства страны директивно пронизать все научное знание философией научного коммунизма. Методологические инъекции с помощью руководящих партийных постановлений осуществлялись вне зависимости от реальных потребностей обращаться к трудам Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина (реже этот круг включал также имена Плеханова, Воровского, Ольминского, Луначарского, виднейших зарубежных марксистов — П. Лафарга, Р. Люксембург и др.), а также к сочинениям писателей, меченных знаковым эпитетом «пролетарский», к сочинениям ведущих критиков революционно-демократической плеяды. Овладение методологией исторического и диалектического материализма получало вследствие этого фразеологический, формализованный либо утилитарно-приспособленческий характер. На деле приложение марксистско-ленинских положений к ряду общественных наук могло иметь лишь отчетливо очерчиваемые границы. Как бесспорное проявление научного осмысления мира оно получало целесообразность и логическую оправданность в конкретных ситуациях (например, при оценках материалистической почвенности или содержания фольклора, рожденного социальной борьбой масс). Однако явная необоснованность марксистских идеологических трансплантаций в филологию, искусствознание, литературоведение и т. д. вплоть до истории в собственном смысле провоцировала бесплодные внутринаучные теоретизирования вокруг «неоевангельские» трактуемых цитат и отсылалась крушением человеческих судеб. В пооктябрьскую фольклористику вторгся вульгарный псевдосоциологический диктат. Его проявлением стали истребительные выходы в прошлое науки, когда в исследованиях добросовестных предшественников выискивалась концептуальная «буржуазность» (отсюда — превратные трактовки ряда работ представителей «исторической школы», компаративистов, безразборная популяризация утверждений об «антинародности» религиозного фольклора, осуждение чохом «аристократической теории» происхождения былевого эпоса и старших исторических песен и т. п.). Приторная эксплуатация сочинений классиков марксизма и оглядка на передовицы партийных газет присутствует и в некоторых работах старшей генерации фольклористов Пушкинского Дома. Но, ставя в связи с этим исторические факты

¹⁸ См.: *Емельянов Л. И.* Термин «советский фольклор» в 1930-е годы // Из истории русской фольклористики. Вып. 4—5. С. 223.

в нравственную плоскость, недопустимо закрывать глаза и на то, что фольклористика в 1930-е гг. испытала репрессивное давление государственного аппарата. В биографиях петербургских ученых (Д. К. Зеленина, В. Н. Перетца, В. Я. Проппа, К. А. Копержинского и др.) известны драматические страницы.¹⁹

Разумеется, далеко не все работы фольклористов конца 1930-х гг., даже шедшие по руслу политических требований эпохи, были продуктом ложного пафоса. Именно с этой поры у руководства СССР появляются стремления апеллировать в своих действиях к национальному чувству народов страны, и в том числе — русского народа. Зримые проявления этого — сокрушительная оценка партийной печатью либретто оперы «Богатыри» Д. Бедного (1936) и популяризация вышедшего на экраны героического фильма С. Эйзенштейна «Александр Невский» (1938), что имело резонанс во всей области культуры и гуманитарной науки.

Качественно новым поветрием общественного климата отделила одна из впечатляющих и внутренне назревших инициатив ленинградских академических фольклористов, о которой с середины 1938 г. станет говорить писатель А. Н. Толстой. В 1939 г. он добьется от правительства и Академии наук СССР разрешения на проектирование издания Свода фольклора народов СССР.²⁰ В организованную Академией наук группу пионеров издания, состоявшую из фольклористов Ленинграда и Москвы, войдут пушкинодомцы М. К. Азадовский, Н. П. Андреев, Е. В. Гиппиус, член ленинградской писательской организации А. Н. Нечаев, москвичи-ученые Ю. М. Соколов, Э. В. Гофман (Померанцева), С. И. Минц, М. А. Рыбникова, поэт К. И. Чуковский. Будет ставиться вопрос о приглашении в редколлегия М. М. Пришвина.

Уже начнется выработка планов издания Свода русского фольклора — первой серии общесоюзного многонационального антологического Свода, русская часть которого должна была включать 38 томов, представляя сокровища основных жанров русской народной поэзии. А. Н. Толстой, утвержденный главным редактором издания, увидел в начинавшемся предприятии «чрезвычайно большую и трудную работу».²¹ Озабоченность ощущал и М. К. Азадовский. Его в 1940 г. тревожили и требовавшие об-

¹⁹ Ашинин Ф. Д., Алтатов В. М. «Дело славистов» : 30-е годы. М., 1994. С. 262—275; Неизвестный В. Я. Пропп / Предисл., сост. А. Н. Мартыновой. СПб., 2002. С. 316.

²⁰ Крестинский Ю. А. А. Н. Толстой: Жизнь и творчество : (Краткий очерк). М., 1960. С. 267; Астахова А. М. Фольклорная комиссия при Институте этнографии... С. 270.

²¹ А. Н. Толстой и Свод русского фольклора / Публ. А. А. Горелова // Из истории русской советской фольклористики. Л., 1981. С. 5.

суждения «план, принципы издания», и «академический» лед, без ломки которого невозможно было «двинуться дальше».²²

Институт русской литературы с его Отделом русского фольклора был максимально заинтересован в академическом санкционировании и стимулировании работы, ложившейся в первую очередь на плечи его сотрудников. Необходимой акцией в этом направлении явилось московское совещание фольклористов при Отделении литературы и языка Академии наук СССР 20 мая 1940 г., где выступил А. Н. Толстой, уже услышанный Совнаркомом СССР. Несмотря на то что проектировавшийся Свод ориентировался на тип издания избранных материалов, в котором между привлекаемыми фондовыми накоплениями и публикациями неминуемо должны бы возникать несоответствия и разногласия, Свод изначально мыслился как вежа в издании, а значит, и в изучении национального фольклора.

Все более или менее близкие к исполнению теоретические, исследовательские и текстологически-эдиционные программы Отдела фольклора Пушкинского Дома были порушены военным нападением Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г., а там и начавшейся 8 сентября блокадой Ленинграда.

Ход Великой Отечественной войны заставил сотрудников Отдела русского фольклора ИРЛИ АН СССР менять научные планы, работать над актуальной оборонной тематикой, вынудил покинуть осажденный город, эвакуироваться под угрозой гибели от голода (1942).

Фольклористы Пушкинского Дома в суровую пору войны осуществляют ряд патриотических акций, создадут цикл научных работ, созвучных времени. Вскоре после начала военных действий появится примечательная брошюра А. М. Астаховой и В. А. Кравчинской «Защита Отечества в народном творчестве» (Л., 1941), Н. П. Андреев станет участником создания очерка «Героическое прошлое русского народа в художественной литературе» (М.; Л., 1941), в блокадных условиях выйдут: популяризовавший народнопесенное и книжно-поэтическое наследие объемистый песенник «Русские народные песни» Е. В. Гиппиуса (Л., 1943), индивидуальный сборник Н. П. Колпаковой «Частушки Ленинградского фронта» (Л., 1943), новый по характеру материала сборник смешанного фольклорно-литературного состава «Фронтной фольклор» (Сост. В. Ю. Крупянская, отв. ред. М. К. Азадовский. М., 1944). Ученые ИРЛИ выступают организаторами собирания произведений массового народного творчества всех видов периода Великой Отечественной войны, и в 1943 г. с их участием в Иркутске и Москве пройдут два всесоюзных совещания по проблемам сбора и изучения военного фолькло-

²² Из писем М. К. Азадовского (1919—1941). С. 265.

ра. Это создаст первые предпосылки для издания в перспективе обобщающих трудов, каким явится обширная коллективная монография «Русский фольклор Великой Отечественной войны» (отв. ред В. Е. Гусев. М.; Л., 1964). Закреплением достижений предшествующих лет будет защита докторской диссертации А. М. Астаховой «Северный период в истории русской былины» (декабрь 1944 г.). Но в годы войны не стало А. И. Никифорова, Н. П. Андреева, З. В. Эвальд.

Подлинное развитие и размах деятельности *Отдела* народно-поэтического творчества (это нынешнее официальное название действительно с 1986 г., с 1945 г. он именовался *Сектор* народно-поэтического творчества) начинается в послевоенный период, когда научные исследования устремляются по магистральным линиям: история и источниковедение, историография и библиография русского фольклора; комплексное изучение современного фольклорного процесса России (для этого будет планироваться последовательность экспедиционных работ); фольклористическое архивоведение; многоаспектное текстологическое исследование фольклорных записей; история взаимоотношений русской литературы (и искусства) с народной культурой.

Тем не менее возобновившийся труд над трехтомником «Русский фольклор», переход к масштабным публикациям фольклорного наследия, завершение важнейшей монографии М. К. Азадовского «История русской фольклористики» оказались замороженными драматичными общественными событиями. Победное окончание Великой Отечественной войны порождает в руководстве страны опасения за морально-политическое единство народа. Как объяснит партийная историография, беспокойство было вызвано тем, что «...десятки миллионов людей проживали на территории, временно захваченной врагом. Миллионы людей были угнаны гитлеровцами в Германию. Много советских военнослужащих находилось в плену. Всех этих людей гитлеровцы подвергали усиленной идеологической обработке. Во время освободительного, антифашистского похода Советских войск на Запад часть Вооруженных Сил оказалась на территории капиталистических государств, и реакция пыталась различными способами повлиять на советских воинов». Из этих мнимо убедительных, если не сказать демагогических, соображений вытекали «в области идеологии и культуры» задачи «развернуть решительную борьбу с остатками буржуазных взглядов, нравов и обычаев, полностью преодолеть тлетворное влияние реакционной культуры империалистического Запада, сделать всех советских граждан сознательными патриотами...».²³ Форсированно

²³ История Коммунистической партии Советского Союза. 2-е доп. изд. М., 1962. С. 618, 607—608.

принятые в 1946–1948 гг. постановления по идеологическим вопросам, проведенные в 1947–1948 гг. дискуссии по вопросам философии, биологии, в 1950 г. — по вопросам физиологии, языкознания, в 1951 г. — по проблемам политической экономии обострят идеологический надзор за сферой науки. На этих дрожжах поднялись обвинения ученых в низкопоклонстве перед буржуазным Западом. Впервые мелькнувшие в устах И. В. Сталина на встречах с писателями в августе 1946 и в мае 1947 гг.²⁴ слова о борьбе с антипатриотами приведут в 1948—1949 гг. к кампании дискредитации научных и литературных кадров, ошельмованных кличкой «носители буржуазного космополитизма». В число облыжно подвергнутых гонениям ленинградских филологов попал и М. К. Азадовский. Ему пришлось, оставляя не доведенными до конца академические замыслы (выпуск незавершенной двухтомной «Истории русской фольклористики» состоится посмертно — в 1958—1963 гг., отпадут редактирование коллективной монографии «Русский фольклор», 8-го выпуска сборника «Советский фольклор», перейдет в другие руки новое издание «Древних российских стихотворений, собранных Киришей Даниловым» и т. д.), покинуть Пушкинский Дом и Ленинградский университет, где одновременно была ликвидирована (из патриотических соображений?!) кафедра фольклора.

Характерно для общей ситуации в фольклористике вынужденное появление в этот момент составленного сотрудниками ИРЛИ юбилейного сборника «Образ И. В. Сталина в поэзии народов СССР» (Л., 1949 — авторы В. Д. Кравчинская, М. Я. Парижская (Мельц), Г. Г. Шаповалова, П. Г. Ширяева) и создание одного из самых одиозных памятников времени «Очерки русского народнопоэтического творчества Советской эпохи»,²⁵ где все рассмотрение народной поэзии шло в ключе тезисов: «Советское народное творчество как одно из звеньев социалистической культуры — надстройки, порожденной новым экономическим строем, — представляет, следовательно, совершенно новое качественное явление»; «...оно не укладывается в привычное понятие фольклора», а значит, «было бы глубочайшей ошибкой переносить на художественное творчество народов СССР, или <...> на советский фольклор все те определения „фольклорности“, которые отстоялись и закрепились в результате анализа и изучения народнопоэтического творчества дооктябрьского времени...».²⁶ В «Очерках» стирался водораздел между стихийно

²⁴ Громов Е. С. Сталин : Власть и искусство. М., 1998. С. 386—387, 401—402.

²⁵ Очерки русского народнопоэтического творчества Советской эпохи / Ред. А. М. Астахова, А. Н. Лозанова, И. П. Дмитраков. М.; Л., 1952.

²⁶ Там же. С. 11.

живущим фольклором прошлого и массовым «самодеятельным», литературно ориентированным искусством, регулируемым и направляемым партийным руководством; снималась грань между фольклором и литературой: все было подчинено фикции всеохватывающего служения народного творчества якобы бурно движущемуся коммунистическому прогрессу.

В книге, естественно, не могло быть ни выхода к свидетельствам народной поэзии о трудностях русской пооктябрьской жизни, ни объяснения таких явлений, о которых пели частушки:

Вот и кончилась война —
Я осталась одна:
Я и лошадь, я и бык,
Я и баба, и мужик!

Ты война, война, война,
Ты меня обидела:
Ты заставила любить,
Кого я ненавидела!..

Я работала в колхозе —
Заработала пятак.
Я одну дыру закрою,
А другая будет так.²⁷

Концепция труда обрекала на отказ от изучения собственно фольклорного искусства — документа самопроявления народного мировоззрения. За этим подходом к действительности не было будущего, как и за той лакировочной словесностью, которая под псевдонимом «литературы социалистического реализма» отрекалась от изображения сложной правды сложного мира. Но подходы к фольклору в монографии были всего лишь вариацией идеологического канона, обнародованного в 1949 г. на страницах журнала «Советская этнография» (№ 4), где В. И. Чичеров «сверстал» «Материалы к истории советского фольклора».

Обновление Сектора народнопоэтического творчества состоялось со сменой мало подходившего на роль заведующего Сектора И. П. Дмитракова крупным ученым, филологом-древником профессором М. О. Скрипилем (1954—1957). Уже летом 1955 г. при ленинградском фольклористическом обсуждении в Секторе хрестоматии МГУ «Устное поэтическое творчество русского народа» (сост. С. И. Василенок и В. М. Сидельников. М., 1954) взгля-

²⁷ Русская народная поэзия. Лирическая поэзия / Сост. А. Горелов. Л., 1984. № 1041, 1033; Частушки в записях советского времени : [Север и Северо-Запад] / Изд. подгот. З. И. Власова, А. А. Горелов. М.; Л., 1965. № 7517 (вариант).

ды авторов учебного пособия, следовавших за В. И. Чичеровым, подверглись солидарной критике. В хрестоматии обнаружались и другие недостатки, присущие советской фольклористике. Во-первых, вульгарная историко-генетическая «паспортизация» фольклора создавала жесткую безмотивную привязку явлений народного творчества к общественно-экономическим формациям, распределению по социально-политическим периодам, в которые материал устной поэзии отнюдь не вмещался. Во-вторых, изумляло пренебрежение эстетическим критерием. В-третьих, наблюдалось уравнивание фольклорных и литературных материалов. Обсуждение хрестоматии было знаменем менявшегося времени. В атмосфере дискуссии начинало вершиться преодоление догматики научного мышления и социологического празднословия. Критика, обращенная на составителей хрестоматии, нередко оборачивалась при этом и самокритикой. В ходе дискуссии были заявлены поиски путей перехода к построению истории фольклора как истории его жанров, судьбой которых далеко не всегда распоряжались факторы, выступающие на первый план при социальной периодизации. Наглядно выявлялось, что история жанров фольклора в свою очередь обладает специфичностью, а их развитие не подразумевает тождества стадий эволюции.

Ревизии принципов внешнего историзма, утверждавшихся хрестоматией МГУ, предшествовало организованное в 1953 г. совместно ИРЛИ и ИМЛИ на площадке Пушкинского Дома Всесоюзное совещание, посвященное термину «советский фольклор», его понятийному содержанию и толкованиям. Определение предмета исследований способствовало суверенизации фольклористики как науки.

Показательно, что в аудиториях, где шли споры о современном фольклоре и о специфике предмета науки, стало весомо обозначаться присутствие новой генерации фольклористов. Независимо мыслящему поколению, первоначально обвиненному в «нигилизме», предстояло вносить поправки в гражданский и научный кодексы исследовательского поведения. Несмотря на все давление «самоуверенно-невежественного руководства партии» (А. Фадеев)²⁸ на науку, культуру, пошло медленное возвращение фольклористики на материк подлинного фольклора, началось трудное, но неуклонное возрождение классических методик исследования народной поэзии с внедрением элементов здорового компаративизма, структурного анализа, аналитики знаковых поэтических систем, восстановление принципов строгого историко-генетического исследования семантически многослойной

²⁸ Из письма А. А. Фадеева в ЦК КПСС 13 мая 1956 года // Россия, которую мы не знали : 1939—1993 : Хрестоматия / Под ред. проф. М. Е. Главацкого. Челябинск, 1995. С. 314.

фактуры жанров, циклов, вариантов произведений, с гибким учетом диалектологии фольклора как культуры. Пересмотр взглядов и концепций, прижившихся в фольклористике с 1930-х гг., совершался в 1950-е гг. (с решительным ускорением в годы ликвидации культа И. В. Сталина) в Пушкинском Доме фронтально, а дискуссии о современном народном творчестве и его слагаемых протекали на фоне углубившегося исследовательского интереса к фольклорной классике, к осязаемым процессам изменений в былинах и исторических песнях в первую очередь.

1953—1956 гг. памяты фольклористам Пушкинского Дома как время появления трехтомного историографического труда «Русское народное поэтическое творчество», который содержал попытку целостного освещения истории жанров русского фольклора в их движении сквозь время, привносящее в жанры особый отпечаток «редактирующих» обстоятельств более поздних эпох. Книги коллективной монографии несли эхо текущих споров. Сторонники акцента на выявлении «передового народного творчества» встретили неожиданно упорное требование оппонированных ученых рассматривать народное творчество как таковое — во всем его фольклорном объеме, не прибегая к субъективистским, сомнительным операциям «селекции», хотя бы и с «опорой» на классиков марксизма, исключить априорность теоретических подходов. В труде предстали значительные исследования больших объемов материала, принадлежавшие видным специалистам. Например, разделы о народном творчестве X—XIII вв. написал Д. С. Лихачев, о творчестве XIII—XV вв. — М. О. Скрипиль, XVI—XVII вв. — Б. Н. Путилов. Учет форм, анализ активного бытования древнего фольклора в перепетиях XVIII—XX вв., несмотря на его неполноту, был осуществлен с достаточно убедительной трактовкой влияния учтенных социально-исторических факторов на искусство. Возникли необходимые очерки жанровых субкультур в их эволюции, нашедшие далее серьезные продолжения (для Б. М. Путилова и Э. С. Литвин — по историческим песням, для К. В. Чистова — по причитаниям, для Е. А. Тудоровской — по сказке). Освещение судеб жанров в труде не избежало ни натяжек, ни упрощенно-поверхностных прочтений памятников старинного народного творчества. Остались нерешенными — по условиям времени — и проблемы истории фольклора, возникшего в советскую эпоху. К ним фольклористике пришлось идти синхронно с «расконсервировавшими» истину о состоянии советского общества русскими писателями: с Шолоховым — автором 2-й книги «Поднятой целины», с «деревенщиками» А. Яшиным, В. Тендряковым, Ф. Абрамовым, Е. Дорощем, В. Беловым и др.

Появление историографически-обзорного трехтомника выявило очевидность: создание истории жанров фольклора, при всей

ее гипотетичности, нуждается в гораздо более фундаментальных базовых ресурсах. Необходимо ускорение ввода в активный исследовательский обиход вековых накоплений материала, за что ратовал еще А. Н. Толстой. И фольклористы Пушкинского Дома вновь возвращаются к идее создания монументальной библиотеки национального устного творчества — Свода русского фольклора.

В 1956 г. по инициативе и под редакцией М. О. Скрипиля был выпущен пробный проспект шести серий Свода русского фольклора,²⁹ разделы которого были написаны коллективом сотрудников Сектора народнопоэтического творчества — А. М. Астаховой, Н. П. Колпаковой, А. Н. Лозановой, Н. В. Новиковым, Б. Н. Путиловым, П. Г. Ширяевой и внештатным участником работы К. В. Чистовым. Проспект, составленный по жанровому принципу организации материала, имел разделы: «Былины», «Исторические песни», «Сказки», «Лирические песни», «Причитания», «Рабочий фольклор», — т. е. не охватывал жанрового объема народной поэзии. Авторы сознавали, что и в предъявленных разделах принципы организации материала еще не определены. Проспект как бы демонстрировал противоречия богатейшего фонда записей, собраний, публикаций, где не было единства, сквозной однородности композиционных структур. Наука располагала «сырьем» для создания фольклорных жанровых серий. Многое требовалось впервые учесть, разыскать, критически оценить, вырабатывая наиболее продуктивный вариант генеральной организации серий Свода. Сектор народнопоэтического творчества Института русской литературы организовал два всесоюзных совещания — в Свердловске и Ленинграде 9—11 и 21—23 мая 1956 г. Кипение полемики, страстные обсуждения программы издания, способов комплектования серий, детализирующие работу подсказки подчеркивали общее желание скорее включиться в создание национальной библиотеки фольклора. Почти сто участников совещаний, прибывших из далеко отстоящих географических точек СССР, выработали постановление, которое одобряло идею и задачи Свода русского фольклора, высказывало пожелание выпустить примерно через год новую редакцию проспекта.³⁰

После совещаний в Институте русской литературы предпринимается издание новой академической серии «Памятники русского фольклора», начинается серьезная текстологическая

²⁹ Свод русского фольклора : Проспект / Ред. М. О. Скрипиль. Л., 1956.

³⁰ См.: Новиков Н. В. «Свод русского фольклора» // Русский фольклор: Материалы и исследования. М.; Л., 1957. Т. 2. С. 317—324; Добровольский Б. М. О межобластном совещании в Свердловске по обсуждению «Свода русского фольклора» // Там же. С. 325—326.

подготовка разнотипных, отмеченных поисковым характером проб, фундаментальных жанровых антологий и коллекционных публикаций русского народного творчества, предваряющих издание Свода.

Неожиданная кончина М. О. Скрипиля не позволила выдающемуся ученому-организатору довести до окончательной результативности, до желанного воплощения идею создания Свода русского фольклора.

Краткая, но замечательная деятельность М. О. Скрипиля на посту заведующего Сектором народнопоэтического творчества способствовала единению сил фольклористов вокруг больших задач. Нацеленность на выпуск Сектором «Памятников русского фольклора» как предварения Свода дала блестящий научный результат. Первый выпущенный том «Памятников» — «Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков» (М.; Л., 1960; М. О. Скрипиль выступал здесь соавтором А. М. Астаховой и В. В. Митрофановой) — стал образцом публикаций фольклорной классики. Настойчивость М. О. Скрипиля в удовлетворении осознанных потребностей фольклористики позволила начать в 1956 г. выпуск ежегодника «Русский фольклор» (первая редколлегия: А. М. Астахова, В. Г. Базанов, М. О. Скрипиль; название было предложено В. Я. Проппом), ставшего одним из важнейших двигателей отечественного народознания. На страницах ежегодника сразу начинают публиковаться материалы и исследования по истории, теории, поэтике народной поэзии, по истории науки, помещаются обзоры книг фольклористов и рецензии на фольклорные издания, подборки хроникальных известий о научной жизни учреждений, где бьется пульс фольклористики, особые подборки сведений об экспедиционно-полевой работе, данные архивоведческого порядка, тематические и персональные библиографии, очерки-портреты деятелей науки. В «Русском фольклоре» станут печататься разнопрофильные этюды фольклористического, музыкологического, этнографического, лингвистического содержания. Здесь будут кристаллизоваться концепции книг, диссертаций и целых направлений движения науки, получать первую апробацию вдохновенные и вдохновляющие разыскания, принадлежащие именитым ученым, и первые «пробы голоса» молодежи, только-только определяющей в фольклорной специализации, статьи-открытия и статьи-заблуждения. Ежегодник станет пестроцветным, свободным в выборе материалов и аргументов. Отдельные тома будут выдерживать строгую тематическую однонаправленность, но чаще — разнообразие, широкаяхватность публикаций. От монотонности издание избавит соседство актуальных статей неожиданного, новаторского содержания, информации о новых находках, полемических выступлениях. Интерес к «Русскому фольклору» возникнет сразу

и превратит его в один из авторитетных органов отечественной и мировой фольклористики.³¹

Из последних организационных акций М. О. Скрипиля нельзя не выделить его редакторский подбор статей для специального, IV выпуска сборника «Вопросы советской литературы» (1956), имевшего тематический подзаголовок «Фольклор в русской советской литературе» (редколлегия: А. М. Астахова, Б. Н. Путилов, М. О. Скрипиль, В. В. Тимофеева). Издание отвечало запросам и литературоведения, и фольклористики, определяя одну из важных будущих исследовательских линий работы Сектора. Образцовым музыкально-поэтическим изданием явился том «Русские народные песни о крестьянских войнах и восстаниях» (сост. Б. М. Добровольский, А. Д. Соймонов. М.; Л., 1956), вышедший под редакцией великолепного знатока материала филолога А. Н. Лозановой и талантливейшего музыковеда Ф. В. Соколова.

Преемник М. О. Скрипиля на посту заведующего Сектором (1957—1967) Б. Н. Путилов, принимая научную эстафету еще при жизни старшего коллеги, ряд лет сотрудничал с ним в основных трудах Сектора, а далее проявил разумную последовательность и дальновидность, продолжив серьезнейшие коллективные начинания, весомо укрепляя авторитет своего подразделения целым циклом фундаментальных публикаций. Известный прежде как автор двух сборников записей казачьих исторических песен (Песни гребенских казаков. Грозный, 1946; Исторические песни на Тереке. Грозный, 1948) и исследователь историко-песенной эпики русского Кавказа, Путилов подвинул Сектор на осуществление программы антологического, но максимально приближенного к сводному типу издания общерусских исторических песен. В 1960 г. выходят одновременно монография Б. Н. Путилова «Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI вв.» (защищена как докторская диссертация) и обширный (составлен Б. Н. Путиловым совместно с музыковедом Б. М. Добровольским) том «Исторические песни XIII—XVI вв.». Появление этих книг вооружало новым опытом исследователей, работавших с материалами сводного типа: 1) книги осуществляли учет и пересмотр публикаций жанра за весь период XIX—XX столетий, заново оценивали уровень записей старшего периода — XVII—XVIII вв., серьезно пополняли фонд вводимых в науку затерянных текстов; 2) вводили обновленную сюжетно-содержательную классификацию материала; 3) учитывали

³¹ См. сводные указатели содержания ежегодника в следующих его выпусках: Русский фольклор. М.; Л., 1966. Т. 10. С. 344—355; Русский фольклор. Л., 1981. Т. 20. С. 212—223; Русский фольклор. СПб., 1999. Т. 30. С. 528—546.

предшествующую литературу вопроса; 4) дополняли тексты историческим комментарием и интерпретациями, пересматривая и отсеивая устаревшие суждения, застывшие на стадии исследований В. Ф. Миллера и С. К. Шамбинаго (сдвиг особенно явствен в монографии Б. Н. Путилова, прежде всего — по эпохе Ивана Грозного); 5) свидетельствовали о нерасторжимости словесно-музыкальной художественной ткани песен; 6) адресовались подготовленными текстами и к массовому, и к ученому читателю.

Книги возникли в атмосфере повышенного интереса к старшей русской исторической песне и вовлекли в ее изучение исследователей фольклора разных поколений, существенно расширив плацдарм коллективного обсуждения исторических и текстологических проблем. Об этом свидетельствовали публикации острых, принципиальных статей, где соседствовали «Некоторые вопросы генезиса исторической песни» Л. И. Емельянова (Историко-литературный сб. М.; Л., 1957), «Песня о гневе Грозного на сына» В. Я. Проппа (Вестник ЛГУ. 1958. № 14), «Трилогия о Ермаке из Сборника Кирши Данилова: (Полемические заметки)» А. А. Горелова (Русский фольклор. М.; Л., 1961. Т. 6), «Исторические песни в публикациях Н. И. Костомарова и А. Н. Мордовцевой» О. Б. Алексеевой (Там же), «Историко-бытовые черты в песнях Разинского цикла» Л. С. Шептаева (Там же) и др. Несмотря на то что частные несогласия разводили авторов упомянутых исследований, а жанровая однокачественность исторических песен была справедливо поставлена под сомнение,³² все они честно работали на постижение природы исторического фольклора. Недаром упомянутые книги получают в относительно короткой перспективе фактографические продолжения, подхватывавшие те же структурные принципы (гнезда сюжетов-версий, откликнувшихся вольными сюжетными композициями на события реальной русской истории и на деятельность исторических лиц) — новые тома серии «Памятники»: «Исторические песни XVII века» (изд. подгот. О. Б. Алексеева, Б. М. Добровольский, Л. И. Емельянов, В. В. Коргузалов, А. Н. Лозанова, Б. Н. Путилов, Л. С. Шептаев. М.; Л., 1966); «Исторические песни XVIII века» (изд. подгот. О. Б. Алексеева, Л. И. Емельянов. Л., 1971); «Исторические песни XIX века» (изд. подгот. О. Б. Алексеева, Л. В. Домановский, Э. С. Литвин. Л., 1973).

Индивидуальности сотрудников Сектора находят близкие их исследовательским тяготениям и эрудиции возможности самораскрытия при создании продолженных трудов

³² См. в этой связи критические замечания В. Я. Проппа, приветствовавшего выход двух упомянутых книг, в его рецензии: *Пропп В. Я.* Проблемы исторической песни // Вопросы литературы. 1962. № 2. С. 207—209.

серии «Памятники русского фольклора». Так возникают: «Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губ.» (подгот. текстов, вступ. статья, примеч. Н. В. Новикова. Вологда, 1960), «Былины Печоры и Зимнего Берега : Новые записи» (изд. подгот. А. М. Астахова, Э. Г. Бородина-Морозова, Н. П. Колпакова, Н. К. Митропольская, Ф. В. Соколов. М.; Л., 1961), «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова» (изд. подгот. В. Я. Пропп. М.; Л., 1961), «Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII—XX веков» (изд. подгот. М. Я. Мельц, В. В. Митрофанова, Г. Г. Шаповалова. М.; Л., 1961), «Песни Печоры» (изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1963), «Великорусские сказки в записях И. А. Худякова» (изд. подгот. В. Г. Базанов, О. Б. Алексеева. М.; Л., 1964), «Частушки в записях советского времени : [Север. Северо-Запад]» (изд. подгот. З. И. Власова, А. А. Горелов. М.; Л., 1965), «Песенный фольклор Мезени» (изд. подгот. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967), «Загадки» (изд. подгот. В. В. Митрофанова. Л., 1968). Вышли без грифа серии, но фактически к ней принадлежали «Песни, записанные в Куйбышевской области» (сост. Б. М. Добровольский, Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Г. Г. Шаповалова; Вступ. статья Н. П. Колпаковой; Муз. ред. Ф. В. Соколов. М.; Л., 1959), «Русские сказки в записях и публикациях 1-й половины XIX века» (сост., вступ. статья, коммент. Н. В. Новикова. М.; Л., 1961), «Русская народнобытовая лирика: Причитания Севера в записях В. Г. Базанова, А. П. Разумовой» (вступ. статья, коммент. В. Г. Базанова. М.; Л., 1962).

Рядом возникли весьма значительные научно-популярные публикации классического фольклора в «Библиотеке поэта» (былинные и историко-песенные сборники), в издательстве «Художественная литература», в «Литературных памятниках». Из них наиболее весомыми были: подготовленное по заново прочитанной рукописи оригинала XVIII в. совместно Б. Н. Путиловым и А. П. Евгеньевой издание «Сборник Кирши Данилова» (М.; Л., 1958); «Былины» (1–2 т.) (совм. подгот. В. Я. Проппа, Б. Н. Путилова. М., 1958), «Илья Муромец» (подгот. А. М. Астаховой. М.; Л., 1958).

Как правило, всем этим книгам предстояла долгая жизнь в культуре и науке, но за иными из них усматривалось и незаурядное общественное значение. Так, составители сборника «Частушки в записях советского времени» пытались показать высокой общественное звучание любимого фольклорного жанра русской деревни, глубоко передающего ее духовный мир, а потому предельно сузили круг «самодеятельных» частушек (чуть более 50 на 8230 текстов). Содержание сборника, лишь незначи-

тельно пострадавшего от вмешательства «Ленгорлита», послужило материалом для одного из сильнейших публицистических выступлений «Нового мира» А. Т. Твардовского о судьбах русской сельщины в XX столетии.³³ Ю. Казаков напишет составителям: «Наша фольклористика за последние 20—30 лет <...> себя дискредитировала всевозможными „современностями“. Из былин сделали вообще Бог знает что! Очень радостно мне было поэтому познакомиться с Вашей книгой — достаточно объективной и очень интересной по материалу».³⁴

Для общей ситуации 1960-х гг. было, однако, показательным, что выпуск Сектором книги частушек, ответственным редактором которой был заведующий, не повлиял на решимость части сотрудников Сектора выпустить пережиточно-ортодоксальную антологию «Русский советский фольклор» (сост., примеч. Л. В. Домановского, Н. В. Новикова, Г. Г. Шаповаловой. Л., 1967), где по-прежнему торжествовала смесь литературно-самодельных подделок и произведений фольклорного творчества. Если в предисловии к книге «Частушки в записях советского времени» отстаивалось тождество устной «неписаной» истории народных масс советской эпохи, воплотившейся в разлитом море лирических миниатюр и творчестве лучших писателей той же эпохи (М. Шолохов, А. Твардовский, С. Залыгин, А. Солженицын и др.), то извинительные и уклончивые формулировки автора «Предисловия» к книге «Русский советский фольклор» Б. Н. Путилова охраняли право авторов нового сборника на половинчатость и осторожность решений из опасений закрыть дорогу «различного рода смежным, промежуточным и переходным явлениям», «сузить картину современных процессов в фольклоре, представить их односторонне, пройти мимо заметных и интересных явлений народнопоэтической культуры», даже при понимании того, что последние «не всегда отвечают всем принципам фольклорности». Настойчиво внедрялся тезис, что «границы между фольклорными и нефольклорными явлениями нередко начинают размываться; возникают произведения промежуточного, переходного типа; появляются и живут в народном творчестве такие художественные явления, природу которых

³³ Буртин Ю. О частушках // Новый мир. 1968. № 1. Этот отклик, как и ряд других печатных реплик на труды ИРЛИ, не учтен в кн.: Пушкинский Дом : Библиография трудов / Сост. А. К. Михайлова. Л., 1981. Между тем он был назван «самой знаменитой новомирской статьей» выдающегося публициста-социолога Ю. Г. Буртина (*Биуль-Зедгинидзе Н.* Литературная критика журнала «Новый мир» А. Т. Твардовского (1958—1970 гг.). М., 1996. С. 136).

³⁴ Письмо Ю. Казакова А. А. Горелову от 29.11.1965 г. (Из личного архива А. А. Горелова).

<...> нельзя еще ясно определить».³⁵ Автор очерка «Советский фольклор» Л. Домановский твердо настаивал на том, что советский фольклор — это культурная продукция, обслуживающая духовную жизнь масс без различия ее официальных и личностных проявлений. Суждение о роли фольклора советской эпохи он заканчивал энергичным трафаретом: «Русский советский фольклор <...> вошел в историю Советского государства. На всех этапах его развития произведения советского фольклора помогали советским людям в труде и борьбе, поддерживали энергию и энтузиазм строителей нового общества. Они являлись могучим средством мобилизации масс, их воспитания в духе коммунизма».³⁶ Многосложность истории пореволюционной России, отраженная в реальном фольклоре, начисто отметалась.

Неудивительно, что в Секторе народнопоэтического творчества в послесталинское время возникла перманентная дискутабельность, связанная с разным отношением разных специалистов к объему термина и самому термину «народная поэзия советского периода». Со стороны представителей старшего поколения сотрудников, наученных опытом идеологического подчинения (оно никуда еще не уходило, то и дело отзываясь в науке, литературе), выражалось настойчивое пожелание, чтобы участники экспедиций активнее пополняли записи материалом современным, который отвечал бы теоретическим постулатам об «изменении художественного метода в советском фольклоре», к коему безуспешно применять «традиционную фольклористическую методологию».³⁷ Расхождения во взглядах вели к тому, что на экспедиционных отчетах подвергалась сомнению даже полевая фактография, если экспедиции не носили специализированно-поискового характера, не преследовали нацеленности на конкретные формы фольклора.

Выглядело это по меньшей мере двусмысленно, но так было. Пожалуй, не стоит подвергать забвению один типичный для тогдашней жизни Сектора эпизод, относящийся к началу 1960-х гг.

В органе Бюро ЦК КПСС по РСФСР газете «Сельская жизнь» появилось коллективно подписанное резко критическое письмо «Поют ли частушки в Нежитине? По поводу одной „ученой“ статьи» (Сельская жизнь. 1964. № 9. 11 янв.), направленное против кандидата филологических наук Л. И. Емельянова, а точнее, его аналитического отчета об экспедиции 1959 г. в с. Нежитино Макарьевского р-на Костромской области, — отчета, опубликованного в шестом томе «Русского фольклора» за 1961 г.

³⁵ Путилов Б. Н. Предисловие // Русский советский фольклор : Антология. Л., 1967. С. 4, 3.

³⁶ Русский советский фольклор. С. 39.

³⁷ Там же. С. 12.

На суровое выступление «Сельскую жизнь» подтолкнуло столь же негативное коллективное письмо об отчете, появившееся в Костромской областной газете (*Галунина А., Ванин Н., Тихомиров К. Две правды о колхозе Нежитине // Северная правда. 1963. № 129. 2 июня*), о котором Сектор не знал и на который не реагировал, хотя адресная критика, прозвучавшая в партийной печати, требовала обязательных покаяний. Второе выступление побуждало администрацию ИРЛИ к «оргвыводам», и Сектор в удручающем молчании собрался на обсуждение неожиданно негативных откликов «общественности» на «ошибочную», если не «порочную» статью. По мнению Л. И. Емельянова, в среде преимущественно пожилого населения доминировало пристрастие к религиозному фольклору, старая традиция находилась на «низком уровне», а новые формы народного творчества не имели сколько-нибудь яркого и массового воплощения, ввиду чего информировать своих читателей о жалких «положительных фактах» младший научный сотрудник не посчитал надобным. Уже на предварявшем собрание Сектора заседании Ученого совета была брошена настораживающая реплика о необходимости ученым-фольклористам не мазать действительность черной краской, прислушиваться к печати, справедливо осуждающей скороспелые «туристические» попытки наделить наших современников-колхозников (советских людей!) «всех от мала до велика религиозной фанатичностью». Положение участников секторского обсуждения осложнялось тем, что в Нежитине из общего состава сотрудников Сектора побывал лишь музыковед В. В. Коргузалов, а руководитель экспедиции В. Е. Гусев и иные ее участники вели записи фольклора на других маршрутах.

Неловкость испытали дирекция и заместитель директора чл.-кор. В. Г. Базанов, курировавший деятельность Сектора народнопоэтического творчества. Щекотливо было положение Б. Н. Путилова как заведующего Сектором, которому полагалось сочинить ответ в высокую газету, по возможности соблюдая честь фольклориста (он понимал: Л. И. Емельянов написал в отчете о Нежитине то, что увидел) и вместе с тем не давая поводов для «оргвыводов» ни против своего научного подразделения, ни лично против себя: перед партийной печатью полагалось держать голову «поклонно».

Уже началось заседание, и старшие коллеги достаточно увещающе и устыжающе покритиковали оплошавшего кандидата наук, который вместо покаяния с упорством «правдоискателя» отстаивал фактическую достоверность того, о чем рассказал в «Русском фольклоре». Он отверг методичку выискивания «ростков нового» там, где мировоззрение сограждан определяли пристрастие к религиозному фольклору и пережитки-поверья, «низшая мифология». Никто еще не предвидел, что на неведомом закате XX в.

«рудиментам архаики» предстояло показать катастрофическую силу общественной влияния, а «пережиточным» культурным формам — доказать явственную косность народного (в том числе социального) миропонимания. На пресловутом заседании Сектора В. В. Коргузалов признал, что поисками нового фольклора они с Емельяновым занимались мало, ибо колхозная молодежь находилась почти вся на лесозаготовках. Провинившийся собиратель был поддержан в выступлениях О. Б. Алексеевой, З. И. Власовой, П. Г. Ширяевой, будущего академика, а тогда младшего сотрудника Отдела древнерусской литературы А. М. Панченко, недавно наблюдавшего религиозные шествия-оползания озера Светлояра. Невозможно было, однако, отдать безусловное предпочтение одной из дискутирующих сторон.

Нужен был третейский судья из костромской среды. И он нашлся — в газетном зале Публичной библиотеки.

Автор настоящей статьи предложил заседанию прослушать выдержки из низовой газетной партийной печати Макарьевого района за 1957—1958 гг., которая, как обнаружилось, уделяла немало внимания общественной и культурной жизни села Нежитина. Оказалось, что Л. И. Емельянов имел в ней союзников еще до того, как приехал в костромское село записывать фольклор, а критическое выступление газеты «Знамя труда» за 1959 г., когда ленинградский фольклорист находился в Нежитине, касалось гораздо более значительного числа фактов живучести религиозных пережитков. Отсутствие надлежащей атеистической пропаганды, должной «вырвать часть молодежи из-под влияния церковников и верующих бабушек», прямо ставилось в вину некоторым из облученных административными «эполетами» нежитинцев, подписавших статью «Поют ли частушки в Нежитине?». Выходило, что и «Сельская жизнь», и «Северная правда» требовали к ответу фольклориста Емельянова совершенно напрасно. По итогам заседания в центральные газеты ушло облегчившее душу заведующего Сектором народнопоэтического творчества Б. Н. Путилова послание, снимавшее с молодого сотрудника беспочвенные обвинения.

Внутрисекторское обсуждение проблемы экспедиционной работы убеждало, что в частных противостояниях старшего и младшего поколений фольклористов истина не всегда находилась на стороне маститых ученых, даже если их точку зрения отстаивали такие многоискусные полемисты, как В. Е. Гусев, методологически безупречно священнодействовавший в Секторе работами «Марксизм и русская фольклористика конца XIX—начала XX века» (М.; Л., 1961)³⁸ и «Эстетика фольклора» (Л., 1967).

³⁸ Эта книга составила основу успешно защищенной диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук, о которой В. Я. Пропп,

Поисковый диспут безоглядного поколения с более осторожным продолжался практически во всех печатных изданиях, где обсуждались вопросы статуса и эволюции современного народного творчества и где определялись очертания фольклора как предмета специализированного научного знания — того предмета, который изучали В. Ф. Миллер и А. А. Шахматов, А. С. Марков и А. Д. Григорьев, а позже А. М. Астахова, Н. П. Колпакова 1920-х гг. Копья ломались на страницах «Русского фольклора» и «Русской литературы», в сборнике «Фольклор и художественная самодеятельность» (отв. ред. Н. В. Новиков. Л., 1968), пронизывали тезисы сборника «Современное состояние народного творчества» (Л., 1970). Сближены с этой тематикой были в Секторе проблемные исследования рабочего фольклора — «межевой» культуры, вставшей на водоразделе между фольклором и литературой — сборник «Устная поэзия рабочих России» (отв. ред. В. Г. Базанов. М.; Л., 1965), монография О. Б. Алексеевой «Устная поэзия русских рабочих : Дореволюционный период» (Л., 1971).

В теоретическом ряду в связи с работами Сектора в области подготовки серии «Памятники русского фольклора» находился актуальный по всем своим компонентам — от анализа сказительского искусства былинщиков или бескомпромиссной оценки публикаций сказок, загадок, рабочего фольклора, лирических песен до установления приемлемых терминологических стандартов в обиходе текстологии — сборник «Принципы текстологического изучения фольклора» (отв. ред. Б. Н. Путилов. М.; Л., 1966).

Сектор народнопоэтического творчества в 1960-е гг. дал жизнь целой череде замечательных, сразу ставших общеизвестными индивидуальных монографий, посвященных истории жанров русского и славянского фольклора, историографии.

1962 г. стал временем появления книги А. М. Астаховой «Народные сказки о богатырях русского эпоса», собравшей воедино данные о влияниях русских устных источников из круга богатырских сказаний, песен на эпическую прозу других народов.

Вышла книга Н. П. Колпаковой «Русская народная бытовая песня» — результат сорокалетних исследовательских раздумий

размышляя, скептически, записал: «Я его (В. Е. Гусева. — *А. Г.*) очень люблю. Но его диссертация — не исследование, а характеристика. Собственно, доктора за нее давать нельзя. Но слабые работы — знамение времени. Падение науки» (Неизвестный В. Я. Пропп / Предисл., сост. А. Н. Мартыновой. СПб., 2002. С. 298). Как говорится, «Платон мне друг, но истина дороже». Были на сей счет и иные мнения (см.: *Мельц М. Я.* Виктор Евгеньевич Гусев как фольклорист : (Юбилей ученого) // Русский фольклор. Л., 1989. Т. 25. С. 213—216).

над жанровой природой и классификацией крестьянской песенности. Оказавшись перед лицом огромного фонда записей и публикаций, автор книги опасалась раствориться в материале. Согласно верным оценкам В. Я. Проппа и В. И. Ереминой, задача, которую решала изумительно знавшая лирику Н. П. Колпакова, привела ее на путь, как будто бы создавший защиту перед лицом множественности вариантов, но практически спорный. Сжав понятие народной лирики до круга личностных песен, выделив их в особую группу бытовой поэзии, Колпакова произвольно ограничила «степь широкую» устной лирики.³⁹ Группировка произведений создала «равносильность» разрядов заклинательных, величальных, игровых, лирических песен, что сопровождалось обеднением групп — их отрывом от животворящей основы. Тем не менее искусствоведческое распределение материала как большой научный эксперимент явилось оригинальным опытом, обаявшим последующих исследователей считаться с особой трактовкой песенной культуры.

В 1965 г. написал книгу «Славянская историческая баллада» Б. Н. Путилов. Для ученого это стало «формулой» вхождения в пространство славянского песенного сотворчества, с обилием в нем сюжетных аналогов, типологических соответствий русскому материалу, и отныне Путилов будет расширять и пополнять свои историко-песенные наблюдения, что сформирует в нем крупного знатока-историка совокупного славянского эпоса.

А. М. Астахова выпустила в 1966 г. ныне настольную книгу былиноведов «Былины : Итоги и проблемы изучения», предложив энциклопедически-объективное рассмотрение былевого эпоса — его классификации, генезиса, эволюции, содержания и стиля, фазисов собирания, публикации и нередко — изучения, а также обзорное его судеб на документально оснащенном отрезке истории XVII—XX вв. В монографии были конкретно выявлены дискуссионные и слабые пункты в позициях исследователей-былиноведов, содержались не устаревшие и по сей час призывы к обоснованию либо отвержению утвердившихся тезисов путем проверки системы доказательств предшественников добавочными разысканиями.

Как раз разысканиями и обновленными прочтениями историко-фольклорных материалов и источников классического труда П. В. Киреевского была насыщена докторская монография А. Д. Соймонова «П. В. Киреевский и его собрание народных песен» (Л., 1971). Воскрешая и уточняя историю создания великой серии русской песенности XIX ст., автор книги своим открытием,

³⁹ Еремина В. И. Классификация народной лирической песни в советской фольклористике // Русский фольклор. Л., 1979. Т. 17. С. 110—112.

прочтением одновременно заложил основу необходимого нового издания классической коллекции.⁴⁰

Неотделимость литературы от народной поэзии, очевидная в области собирания и публикации памятников народного творчества, о которой писал А. Д. Соймонов, предписывает литературоведению исследование литературного процесса, изучение биографий мастеров слова в аспекте контактов с фольклором, и в Пушкинском Доме с неизбежностью возникла «параллельная» — фольклорная история литературы, давшая 4 книги очерков «Русская литература и фольклор» (1970—1982), посвященных рассмотрению многоэтапной эволюции русской словесности под углом зрения взаимоотношений со стихией устной речи. Сектор народнопоэтического творчества принял участие в создании этого труда, его сотрудниками написано около половины глав, со 2-го тома издание было отдано под организационную опеку и ответственность Сектора.

Значимым участком работы в ИРЛИ с 1950-х гг. стало библиографическое обеспечение трудов по фольклористической русистике. Из картотеки, которую создавала информатор-библиограф М. Я. Мельц, вкладывая в дело душу, возникает в 1961 г. справочное пособие «Русский фольклор». Его тома, будучи посвящены сперва только регистрации текущих публикаций, затем начинают фиксировать и литературу периодов, которые не имели соответствующих библиографических справочников. Исподволь возникла (ныне уже 11-томная) серия книг, еще не достроенная до хронологической полноты, но уже неотъемлемая от деятельности фольклористов всех специализаций, а также этнографов, литературоведов, писателей и получившая мировое признание.⁴¹

К сожалению, конфронтационные эксцессы, иногда колебавшие течение жизни Сектора народнопоэтического творчества, привели в 1960-е гг. к уходу из ИРЛИ сначала молодых (А. А. Горелов, Л. И. Емельянов), а затем некоторых старших

⁴⁰ Одна из предварительных исследовательских акций А. Д. Соймонова в этом направлении — участие вместе с Г. Н. Париловой в сб.: *Песни, собранные писателями: Новые материалы из архива П. В. Киреевского* (Литературное наследство. Т. 79. М., 1968), где ему принадлежит ведущая статья, статьи и комментарии, публикации материалов А. С. Пушкина, А. В. Кольцова, Н. М. Языкова.

⁴¹ М. Я. Мельц — составительница томов: *Русский фольклор: Библиографический указатель: 1945—1959. Л., 1961; То же: 1917—1944. Л., 1966; То же: 1960—1965. Л., 1967; То же (ч. 1; 2): 1966—1975. Л., 1984, 1985; То же: 1901—1916. Л., 1981.* Позже составителями серийного издания выступали: *Иванова Т. Г.* *Русский фольклор: Библиографический указатель: 1976—1980. Л., 1987; То же: 1881—1900. Л., 1990; То же: 1981—1985. СПб., 1993; То же: 1800—1855. СПб., 1996,* — а также: *Иванова Т. Г., Рейли М. В.* *То же: 1991—1995. СПб., 2001.*

сотрудников (Б. Н. Путилов Н. П. Колпакова, Н. В. Новиков, Г. Г. Шаповалова, В. Е. Гусев). В это время на посту заведующих Сектором видим опытных ученых А. Д. Соймонова (1968—1970), затем Ф. Я. Прийму (1970—1971). В 1971 г. вернулся из Ленинградского университета избранный по конкурсу заведующим А. А. Горелов. В составе сотрудников Сектора появились филологи В. И. Еремина, Е. В. Невзглядова, А. Ф. Некрылова, П. С. Выходцев, В. И. Жекулина, Н. И. Хомчук, А. Н. Розов, Т. Г. Иванова, Л. И. Петрова, Т. А. Новичкова, аспирант Ю. И. Мальцев. В Фонограммархиве стали работать музыковеды М. А. Лобанов, С. В. Фролов, А. Д. Троицкая, Л. Ф. Морохова, Ю. И. Марченко, А. Ю. Кастров, инженеры-акустики В. П. Шифф, Г. В. Матвеев, А. В. Осипов.

Несмотря на временные утраты, Сектор продолжал жить в интенсивном научном режиме, а на главных научных направлениях был создан целый ряд неоспоримо первоклассных трудов: «Былины : Русский музыкальный эпос» (сост. Б. М. Добровольский. В. В. Коргузалов. М., 1981); «Русская свадьба» (сост. Д. М. Балашов, Ю. И. Марченко, Н. И. Калмыкова; редактор-составитель музыкальной части А. М. Мехнецов. М., 1985). В серии «Памятники русского фольклора» вышли 3 тома «Собрания народных песен П. В. Киреевского»: «Записи Языковых <...>» (подгот. текстов к печати, статья, коммент. А. Д. Соймонова. Л., 1977. Т. 1); «Записи П. И. Якушкина» (подгот. текстов, вступ. статья, коммент. З. И. Власовой. Л., 1983, 1986. Т. 1, 2). Вышли региональные тома экспедиционных записей середины XX в. — «Песни и сказки Пушкинских мест : (Фольклор Горьковской обл.)» (изд. подгот. В. И. Еремина, М. А. Лобанов, В. Н. Морохин. Л., 1979. Вып. 1); «Традиционный фольклор Новгородской области : (По записям 1963—1976 гг.) : Песни. Причитания» (изд. подгот. В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, М. А. Лобанов, В. В. Митрофанова. Л., 1979); «Традиционный фольклор Новгородской области : (По записям 1963—1999 гг.) : Сказки. Легенды. Предания. Былички. Заговоры» (изд. подгот. М. Н. Власова, В. И. Жекулина [с участием А. А. Панченко и С. А. Штыркова]. СПб., 2001); «Фольклор Русского Устья» (изд. подгот. С. Н. Азбелев, Г. Л. Венедиктов, Н. А. Габышев, М. Ф. Дружинина, Ю. И. Дьяконова, В. И. Жекулина, Р. В. Каменская, В. В. Митрофанова, М. А. Никифорова, А. Н. Розов, А. Г. Чикачев. Л., 1986). Переиздан с дополнениями по архивному фонду РГБ том «Беломорские старины и духовные стихи : Собрание А. В. Маркова» (изд. подгот. С. Н. Азбелев, Ю. Н. Марченко. СПб., 2002).

Большая работа по переизданию фольклорного наследия развернулась во время постсоветского издательского ренессанса, воссоединившего научные и научно-популярные эдиционные

цели. С опорой на серьезнейший труд в архивах, часто с решением уникальных текстологических заданий, были выпущены многие книги, к публикациям которых применимы определения: «первое издание», «первое полное издание», «издано впервые». Силами сотрудников Отдела народнопоэтического творчества были подготовлены «Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова» (изд. подгот. В. И. Еремина, В. И. Жекулина. М., 1996); «Народные русские сказки не для печати, заветные пословицы и поговорки, собранные и обработанные А. Н. Афанасьевым. 1857—1862» (изд. подгот. О. Б. Алексеева, В. И. Еремина, Е. А. Костюхин, Л. В. Бессмертных. М., 1997); «Великорусские сказки Пермской губернии : Сб. Д. К. Зеленина» (изд. подгот. Т. Г. Иванова. СПб., 1997); «Русские народные пословицы и притчи» Снегирева И. М. (изд. подгот. Е. А. Костюхин. М., 1999); «Неизданные сказки из собрания Н. Е. Ончукова (тавдинские, шокозерские и самарские сказки)» (подгот. текстов В. И. Жекулиной, вступ. статья, коммент. В. И. Ереминой. СПб., 2000); «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым» (изд. подгот. А. А. Горелов, Е. Н. Якубовская. СПб., 2000); «Великорусские сказки Вятской губернии : Сб. Д. К. Зеленина» (изд. подгот. Т. Г. Иванова. СПб., 2002); «Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899—1901 гг.» (под ред. А. А. Горелова. [Сюжетный коммент. Ю. А. Новикова]. СПб., 2002—2003. Т. 1—3); «Великорусские сказки Архива Русского географического общества : Сб. А. М. Смирнова» (изд. подгот. Т. А. Новичкова. СПб., 2003. Кн. 1—2); «Сказки и предания Самарского края : Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым» (изд. подгот. Е. А. Костюхин, Л. Г. Беликова. СПб., 2003). С участием Т. Г. Ивановой переизданы «Сказки и песни Белозерского края» Б. М. и Ю. М. Соколовых (СПб., 1999. Кн. 1—2), с участием Е. А. Костюхина — «Русские сказки и песни Сибири» (СПб., 2000), с участием Т. А. Новичковой — существенно дополненные по архивным разысканиям «Бабушкины старины : Пятиречье: Эпическая поэзия О. Э. Озаровской» (СПб., 2000). Подлинным открытием и раскрытием практически неведомой ипостаси великого филолога-историка А. А. Шахматова как собирателя фольклора явилось осуществленное В. И. Ереминой издание «Фольклорное наследие А. А. Шахматова» (СПб., 2005). Среди изданий детского творчества и творчества для детей самыми емкими по материалу на сегодня являются «Детский поэтический фольклор» (сост. А. Н. Мартынова; отв. ред. Б. Н. Путилов. СПб., 1997) и «Поэзия детства : Русское народное творчество для детей» (сост., предисл., примеч., подгот. текстов В. И. Ереминой. СПб., 2004).

Указанными изданиями постсоветского периода в содружестве с издательствами «Тропа Троянова», «Дмитрий Буланин»,

«Алетейя», «Ладомир», «Индрик» фактически осуществляется программа Отдела народнопоэтического творчества ИРЛИ по переизданию классических фольклорных собраний, прошедшая в 1980-е гг. апробацию ОЛЯ АН СССР как особая серия «Свода русского фольклора» — спутница его основных жанровых серий.

Свое место в текущем литературном и научном процессе обрели научно-популярные издания: «Русская народная поэзия. Лирическая поэзия» (сост., подгот. текста, предисл. к разделам, коммент. А. А. Горелова. Л., 1984); «100 песен рабочего класса» (сост. П. Г. Ширяева. Л., 1984); «Русские исторические песни» (Библиотека поэта. Большая сер. 3-е изд. (вступ. статья, сост., подгот. текстов, примеч. Л. И. Емельянова. Л., 1987)); «Русские народные песни» (Библиотека поэта. Малая сер. 4-е изд. (вступ. статья, сост., подгот. текстов, примеч. А. Н. Розова. Л., 1988)); «Обрядовая поэзия» (сост., предисл., примеч., подгот. текстов В. И. Жекулиной, А. Н. Розова. М., 1989); «Русские народные сказки» (сост., вступ. статья, тексты, коммент. Т. Г. Ивановой. М., 1989); «Круглый год : Русский земледельческий календарь» (сост., вступ. статья, примеч. А. Г. Некрыловой. М., 1989); «Русская историческая песня» (Библиотека поэта. Малая сер. 4-е изд. (вступ. статья, сост., примеч. Л. И. Емельянова. Л., 1990)); «Лирические песни» (сост., предисл., подгот. текстов, примеч. П. С. Выходцева. М., 1990). Сборники текстов выходили по заявленным Отделом в издательстве «Современник» планам серии «Сокровища русского фольклора», а также в издательствах «Лениздат», «Молодая гвардия», «Северо-Запад», «Петербургский писатель» и др. Был внесен вклад в создание и выпуск научно-популярных справочников: *Власова М. Н.* Новая абебега русских суевений : Иллюстрированный словарь (СПб., 1995); *Новичкова Т. А.* Русский демонологический словарь (СПб., 1995).

Создание названных работ Отделом народнопоэтического творчества было солидным взносом в современность во имя удержания и укрепления нравственных и художественных ценностей, на которые опирается здание отечественной культуры и которыми оно воссоединяется с многовековой историей России. Аутентичность, подлинность, достоверность, связанность с порождающей и несущей средой есть и пребудут основной целью публикаций памятников былого и нового фольклора. Важно, что на широчайшем поприще изданий многожанровой народной поэзии в сложнейшие годы российской истории — на переломе XX—XXI столетий — отрабатывались и отрабатываются принципы текстологической академической школы национальной фольклористики, создающие исследовательскую и эдиционную эрудицию ее представителей, обогащающие опытом, потребным для решения воистину ответственных задач.

Разумеется, этому служили все издания Отдела, среди которых в 1970-е гг. возникла новая серия «Из истории русской фольклористики» (второй ее выпуск — пока серия не имела официального академического статуса — получил тематическое заглавие «Из истории русской советской фольклористики»). В 1978—1998 гг. вышли пять ее выпусков (отв. ред. А. А. Горелов).

В 1970—2000-е гг. диапазон интересов и возможности коллектива фольклористов Пушкинского Дома отразил выход нескольких значительных монографий ведущих научных сотрудников Отдела.

Принципиально значительным исследованием явилась книга В. И. Ереминой «Поэтический строй русской народной лирики» (Л., 1978). В ней на большом материале рассмотрены семантика и синтаксическая структура лирической песни, с углублениями в природу и формы метафоры, метонимии. С логикой и ясностью, присущими мышлению лучших учеников В. Я. Проппа, впервые освещена роль зиждущего начала лирической культуры — фактора повторяемости.

Специфике лирической песни была посвящена монография Ю. И. Мальцева «Традиционные формулы русской народной не обрядовой лирики» (Л., 1989), к которой с момента ее появления не исчезает большой интерес специалистов.

Трудом, обобщившим накопленные научные мнения о загадках, увиденных в свете личных наблюдений над уровнем и своеобразием отражения действительности в жанре, о поэтических связях с иными жанрами, об исторической эволюции загадок, явился монографический очерк В. В. Митрофановой «Русские народные загадки» (Л., 1978).

Монография «Методологические вопросы фольклористики» (Л., 1978) Л. И. Емельянова была посвящена дискуссионным вопросам общей фольклористики — уточнению понятия «фольклор» как предмета научного изучения, реабилитации исторической школы, выявлению своеобразия исторического мышления в бытине, острому освещению проблемы фольклоризма литературы.⁴² Она послужила и служит оживлению теории и истории фольклористики.

В монографии В. И. Ереминой «Ритуалы и фольклор» (Л., 1991), где прослежено функционирование тождественных обрядовых лейтмотивов в родинах, на свадьбе, на похоронах, выявлено единство поведенческих стимулов и их народных трактовок на пространстве человеческой жизни.

⁴² Попытки корректирования суждений Л. И. Емельянова см. в статьях: *Выходцев П. С.* На стыке двух художественных культур : (Проблема фольклоризма в литературе) // *Русский фольклор.* Л., 1979. Т. 19. С. 3—30; *Горелов А. А.* К истолкованию понятия «фольклоризм литературы» // Там же. С. 31—48.

С уклоном в популярное изложение сложных проблем написана яркая книга А. Ф. Некрыловой «Русские городские праздники, увеселения и зрелища (Л., 1984), сразу переведенная за рубежом.

По-новому открыл культурологическую тему встречи священнослужителей и простого народа в бытовой среде А. Н. Розов — автор книги «Священник в духовной жизни русской деревни» (СПб., 2003), кстати сказать, сумевший серьезно пополнить библиографические разыскания в области фольклористики за счет обходившейся прежде вниманием духовной прессы.

В Отделе, где со времен А. М. Астаховой поощрялась былиноведческая тематика работ, вышли исследовательские книги, касавшиеся разных проблем эпической истории. Сюжетология главенствовала в монографиях: *Азбелев С. Н.* Историзм былин и специфика фольклора (Л., 1982); *Новичкова Т. А.* Эпос и миф (СПб., 2001). Региональное начало предопределило содержание исследования Т. Г. Ивановой «„Малые“ очаги северорусской былинной традиции: (Исследование и тексты)» (СПб., 2001). З. И. Власова в книге «Скоморохи и фольклор» (СПб., 2001) попыталась связать творчество былин с институтом скоморошества.

Из разнообразных книг, выходявших как труды Отдела народнопоэтического творчества, либо создававшихся его сотрудниками, стажерами должны быть также названы: историографическая монография Т. Г. Ивановой «Русская фольклористика в биографических очерках» (СПб., 1993), дополнившая труд М. К. Азадовского фактографическими разысканиями о Е. В. Аничкове, А. В. Маркове, братьях Б. М. и Ю. М. Соколовых, А. Д. Григорьеве, В. Н. Андерсоне, Д. К. Зеленине, Н. Е. Ончукове и О. Э. Озаровской; коренящаяся в материале обстоятельная монография Е. А. Костюхина «Типы и формы животного эпоса» (М., 1987) и его же отмеченные сицилийской международной премией вузовские «Лекции по русскому фольклору» (М., 2004); созданное во многом на материалах коллекции книжного лубка Отдела текстологически значительное исследование «Русская лубочная сказка» К. Кореповой (Н. Новгород, 1999); насыщенная новыми фактами книга М. Я. Мельц «Поэзия А. С. Пушкина в песенниках 1825—1917 гг. и русском фольклоре» (СПб., 2000); концептуально родственная работам Отдела докторская монография Ю. А. Новикова «Сказитель и былинная традиция» (СПб., 2000); создававшиеся в разные годы А. А. Гореловым — собрание литературных эссе в двух книгах «Соединяя времена» (М., 1978; СПб., 2011), первая в лесковiane докторская монография о писателе «Н. С. Лесков и народная культура» (Л., 1988); высоко оцененные В. Я. Проппом «Народные песни о Ермаке» (СПб., 2011); две книги «В поисках легендарного Кириши Данилова» (СПб., 2011), излагающие историю открытия

певца — составителя рукописи сборника «Древние российские стихотворения...».

Отдел народнопоэтического творчества своими рецензиями, советами оказывал помощь в издании общезначимых фольклорно-литературных книг своих внештатных коллег. В их числе были: многолетний труд собирателя «Сказки, песни, частушки, присловья Ленинградской области, записанные Владимиром Бахтиным» (Л., 1982); богатейшая по материалу, лучшая из книг автора, антология «Песни русских поэтов : В 2 т.» (Библиотека поэта. Большая сер. 3-е изд. (вступ. статья, сост., подгот. текста, биогр. справки, примеч. В. Е. Гусева. Л., 1988)); энциклопедия поморской культуры — «Сказ о Беломорье» К. П. Гемп (М.; Архангельск, 2004); уникальный сборник «По заветам старины: Мифологические сказания, заговоры, поверья, бытовая магия старообрядцев Литвы» (изд. подгот. Ю. А. Новиков. СПб., 2005), и др.

На протяжении всех 66 лет своего существования Отдел народнопоэтического творчества вел огромную «полевую» исследовательскую работу, изучая естественную жизнь фольклора, почерпая среди народа «Антееву силу», без которой фольклористика умирает. Более 100 экспедиций разного состава участников, включавшие филологов, музыковедов, этнографов, писателей, инженеров-акустиков, — всех поколений 1939—2005 гг. — записывали фольклор в советский и постсоветский периоды, стремясь познать и закрепить на будущие времена животворящие слово, музыку, обряды своих соотечественников. Отдел хранит записи, сделанные его сотрудниками в областях Архангельской, Астраханской, Белгородской, Брянской, Великолукской, Вологодской, Восточно-Казахстанской, Гомельской, Горьковской (Нижегородской), Иркутской, Калининской (Тверской), Кировской, Костромской, Куйбышевской (Самарской), Курганской, Ленинградской, Могилевской, Мурманской, Новгородской, Пермской, Псковской, Ростовской, Харьковской, Читинской, в Приморской крае, в республиках Бурятии, Карелии, Коми, Якутии.

Накопленный опыт позволил фольклористам Института русской литературы возобновить инициативу создания Свода русского фольклора. После статьи заведующего Сектором народнопоэтического творчества А. А. Горелова «Соединяя времена» (1973) и выпуска специального тома ежегодника «Русский фольклор» (том XVII, 1977) 6 сентября 1977 г. ОЛЯ АН СССР приняло решение о развертывании работы ИРЛИ над Сводом русского фольклора. «Трехзначная цифра томов нас не пугает», — обещающе говорил о Своде академик-секретарь ОЛЯ АН СССР М. Б. Храпченко. В Пушкинском Доме 6 декабря 1978 г. было проведено Всесоюзное совещание с повесткой дня: «Издание

Свода русского фольклора».⁴³ Определенной мобилизацией всесоюзных кадров фольклористов на решение проблем Свода русского фольклора явилась также проведенная 23—27 октября 1979 г. Всесоюзная научная конференция по координации собрания и архивного хранения русского фольклора.⁴⁴ Состоялось укрепившее программу издания былинной серии Свода новое обсуждение вопросов историзма песенного эпоса на страницах журнала «Русская литература» (1983). В 1995 г. в Вильнюсе был выпущен из печати актуальный справочник-исследование Ю. А. Новикова «Былина и книга», содержащий данные о зависимых от книги и фальсифицированных текстах былин (2-е, доп. изд. появилось в СПб. в 2001 г.), предостерегавший от текстовой доверчивости в выборе былинных оригиналов для перепечатки.

С 2001 г. началось систематическое издание серии Свода «Былины в 25 томах». Наконец-то входит в жизнь полный корпус русского национального эпоса, до сих пор лишь наполовину представленного в публикациях. Вышли 7 томов (1—2-й тома — «Былины Печоры», 3—5-й — «Былины Мезени», 6-й — «Былины Кулоя», 7-й — «Былины Пинеги»).

Создание серии «Былины» было бы немыслимо без постоянной и комплексной кооперации с учеными других научных учреждений и вузов России и ближнего зарубежья. Участие в серийной работе принимают все сотрудники Отдела народнопоэтического творчества: А. А. Горелов, В. И. Еремина, В. И. Жекулина, А. Н. Розов, Т. Г. Иванова, Т. А. Новичкова, Е. А. Костюхин (в качестве рецензента), Ю. И. Марченко, А. Ю. Кастров, Л. И. Петрова, С. В. Гаврилина, М. Н. Власова, М. В. Рейли, Е. П. Фрэнсис (Гладких), Е. И. Якубовская, З. И. Власова, инженеры Г. В. Матвеев, В. П. Шифф, А. В. Осипов, а также сотрудники Рукописного отдела ИРЛИ В. П. Бударагин, А. Н. Мартынова, технические сотрудники Н. И. Коваленко, И. Д. Опарина, Е. Б. Соломон, авторитетные консультанты А. С. Герд, В. В. Колесов, А. Ф. Некрылова, Ю. А. Новиков, П. А. Скредин, И. Я. Фроянов.

Беспрецедентный по богатству включенных материалов критически выверенный комплекс текстов Свода явится основой исследований культур и собственно истории восточнославянских этносов, послужит приобщению новых поколений России к подлинникам устной поэзии. Создание былинной серии Свода русского фольклора — этапный момент в «биографии» Отдела

⁴³ См.: *Хомчук Н. И.* Всесоюзное совещание по вопросам издания Свода русского фольклора (Серия «Былины») // *Русский фольклор.* Л., 1979. Т. 19. С. 218—227.

⁴⁴ См. резолюцию конференции: *Русский фольклор.* Л., 1984. Т. 22. С. 198—201.

народнопоэтического творчества Пушкинского Дома, ставящий серьезные задачи дальнейшей координации фольклористической работы перед всей наукой России о народном творчестве и его истории.

* * *

Особым и необходимым звеном научной и организационной структуры Отдела народнопоэтического творчества является Фонограммархив — крупнейшее этномузыковедческое хранилище страны.⁴⁵ Его цель — сохранение звуковых материалов отечественного народоведения, систематическая запись образцов устного народного творчества и их изучение, пропаганда через издания (в том числе звуковые), оснащение трудов фольклорно-этнографической направленности неотторжимым музыкальным компонентом, разработка технических методик архивации звука. Собрание Фонограммархива насчитывает свыше 150 000 единиц хранения, более 95 % которых — материалы этномузыковедческого, этнолингвистического и филологического содержания. Фонограммархив — единственное в России энциклопедическое собрание звуковых образцов из коллекций отечественного народоведения. Наряду с другими фондообразованиями России и зарубежья он сохраняет важную часть всемирного наследия устных традиционных культур. Будучи этномузыковедческим звуковым архивом, Фонограммархив собирает первичные звуковые материалы на территории Российской Федерации, но при комплектовании фонда не предусматривается каких-либо региональных ограничений.

Исторические коллекции Фонограммархива включены в Мировой Регистр программы Памяти Мира ЮНЕСКО. Наиболее ранние записи относятся к 1889 г. В России использование фонографа для фиксации фольклорно-этнографических материалов первоначально носило преимущественно стихийный характер и не подкреплялось стремлением к созданию фонохранилищ. Тем не менее Исторические коллекции Фонограммархива (1889—1955) насчитывают более 35 000 записей образцов музыкально-поэтического и прозаического фольклора и устной речи (более 500 часов звучания). Выполнены они практически в тот же период, что и звукозаписи старейших европейских Фонограммархивов — Венского и Берлинского. Количество записей, относящихся к наиболее раннему периоду применения фонографа в фольклорно-собирательской практике (до 1910 г.), весьма значительно.

⁴⁵ Раздел, посвященный Фонограммархиву (как и в кн.: Пушкинский Дом : Книга-альбом. М., 2003. С. 431—432), написан его заведующим Ю. И. Марченко.

Реально фонд Исторических коллекций — более 7000 фонографических валиков, более 400 дисков с восковой основой, более 300 дисков с целлулоидной основой, около 50 лаковых дисков. Исторические коллекции, как и современные приобретения, поступили благодаря: а) исследователям, которые поддерживали Фонограммархив методологическими и техническими средствами; б) организациям и собирателям, передававшим свои фонды в Фонограммархив; в) штатным сотрудникам Института русской литературы. Среди Исторических коллекций наиболее значительны этномусиковедческие, этнолингвистические и филологические коллекции: Е. Э. Линевой, С. Г. Рыбакова, В. И. Иохельсона, С. Е. Малова, Л. Я. Штернберга, Э. А. Вольтера, А. В. Анохина, С. М. Широкогорова, С. Д. Майнагашева, А. В. Маркова, О. Э. Озаровской, С. И. Бернштейна, Х. С. Кушнарера, Е. В. Гиппиуса, З. В. Эвальд, Б. А. Галаева, Н. К. Каргер, Л. М. Кершнер, С. Д. Магид, Б. Э. Петри, В. М. Жирмунского, А. А. Шахматова, Н. С. Державина, В. И. Анучина, Э. Ф. Эмсгеймера, Б. Я. Владимирцова, Ш. С. Асланишвили, Н. О. Очирова, В. К. Томилина, Н. М. Ковязина, З. К. Чхиквадзе, А. М. Астаховой, Ф. А. Рубцова, Н. Л. Котиковой и др.

Исторические коллекции Фонограммархива ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН отражают процесс развития устных традиций до воздействия на них урбанистических тенденций XX столетия. Эти материалы составляют основу известных публикаций, в том числе обеспечивают издание серии «Былины в 25 томах» Свода русского фольклора.

Без Исторических коллекций многие составляющие некоторых культур (в особенности культур малочисленных народов Сибири и Дальнего Востока) могли бы быть утрачены. Звуковые документы 1890—1930 гг., сохранившие редчайшие образцы устного творчества, оказываются подчас единственными источниками эволюционного сопоставительного анализа. В коллекциях наиболее полно отражено стилистическое разнообразие устных традиций, которое в современных записях представлено со значительными упрощениями.

Попытки организации звукового хранилища в структуре Академии наук были предприняты в начале XX столетия. По инициативе академика А. А. Шахматова возник Фонографический архив Первого Славянского отделения Библиотеки Императорской Академии наук. Основу фонда составили полевые записи на восковых цилиндрах академиков А. А. Шахматова и Н. С. Державина, дополненные записями магистра филологии Э. А. Вольтера — первого хранителя Фонографического архива. Однако подлинная рабочая база Фонограммархива сложилась лишь в 1926 г. благодаря усилиям Е. В. Гиппиуса (ответственный хранитель с 1926 по 1944 г.) и З. В. Эвальд.

Официально хранилище звуковых фольклорных записей существует в системе Академии наук с 1931 г. В 1931 г. в Фонограммархиве были объединены крупнейшие фольклорные фонотеки Ленинграда и Москвы (в том числе коллекции бывшего Фонографического архива Библиотеки Императорской Академии наук) для их централизованного хранения и использования. С 1938 г. Фонограммархив находится в составе Института русской литературы. В первые послевоенные десятилетия начался период «вторичного становления» Фонограммархива (ответственные хранители — Ф. А. Рубцов, А. Н. Дмитриев, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский, В. В. Коргузалов). С 14 октября 1971 г. Фонограммархив получил статус Центрального фонда звукозаписей фольклора в Академии наук СССР с режимом матричной консервации коллекций. Контакты с научно-исследовательскими учреждениями и архивами, расположенными на территории прежнего Советского Союза, в последние годы ослаблены, хотя и дополнены сотрудничеством с Венским и Берлинским фонограммархивами.

В период 1970—1980-х гг. работа Фонограммархива выполнялась его сотрудниками В. В. Коргузаловым, С. В. Фроловым, М. А. Лобановым, А. В. Осиповым, В. П. Шиффом, Г. В. Матвеевым, А. Д. Троицкой, Л. Ф. Мороховой, А. Ю. Кастровым, Е. И. Якубовской. С 1986 г. заведующим Фонограммархивом является Ю. И. Марченко.

Научная и культурная ценность Фонограммархива обусловили его значение как источников центра богатейших материалов для исследований и публикаций. С 1983 по 1995 г. выпущена серия грампластинок «Из собрания Фонограммархива Пушкинского Дома», снабженная полными текстами и нотировками мелодий. Две серии компакт-дисков: «Non-Russian Traditions», «Russian Folk Traditions» (выполнены под руководством музыковедов Ю. И. Марченко и А. Ю. Кастрова инженерами звукозаписи В. П. Шиффом и Г. В. Матвеевым — 2000 г.).⁴⁶

В 2000-х гг. Отдел понес большие и невозполнимые потери научных кадров: безвременно ушли из жизни Т. А. Новичкова, Е. А. Костюхин, З. И. Власова, В. П. Шифф, А. Ю. Кастров, В. И. Жекулина. Но все же ряды сотрудников удалось пополнить новыми учеными-исследователями. В 2009 г. защитили

⁴⁶ О работах, выполненных по международным и межведомственным проектам при участии сотрудников Фонограммархива Пушкинского Дома, см.: *Светозарова Н. Д.* Иноэтнические коллекции в Институте русской литературы : (Изучение фольклорных собраний Пушкинского Дома в международных проектах) // Из истории русской фольклористики. СПб., 2007. Вып. 7. С. 493—508.

кандидатские диссертации по основным темам Отдела молодые фольклористы Н. Г. Комелина «Эпическая традиция Зимнего Берега Белого моря : История собирания и проблемы текстологии» и А. И. Васкул «История русской фольклористики второй половины XIX—начала XX в. : (Проблемы источниковедения)», а Фонограммархив был укреплен известным этномузыкологом, ученицей Е. В. Гиппиуса Е. А. Дороховой, а также выпускницей С.-Петербургской консерватории Г. Н. Щупак.

По решению Ученого Совета института с 2011 г. Отдел народнопоэтического творчества был переименован в Отдел русского фольклора, сохранив основные стратегические направления своей деятельности.

Произошли некоторые структурные перестройки. Внутри Отдела возникло новое подразделение: Центр сравнительного народоведения, созданный на базе кабинета-библиотеки Б. Н. Путилова (заведующий А. Н. Розов). Одной из главных задач деятельности Центра явились создание библиотечного фонда и систематизация творческого наследия выдающего ученого в области межкультурной коммуникации. На базе Центра были проведены два научных семинара, посвященные разработкам эпического наследия народов мира и научному наследию А. Б. Лорда.

В 2012 г. были организованы международные конференции: «Нерешенные вопросы изучения русского былинного эпоса» и «Самоидентификация этноконфессиональных групп в современном мире : (К 50-летию возвращения казаков-некрасовцев на родину)».

Последовательность и убежденность в развитии традиций академической школы отечественной фольклористики за последние годы позволила воссоздать полевую экспедиционную работу и архивные разыскания. Фольклорно-археографические исследования на новом этапе стали наиболее приемлемой и продуктивной формой работы на территории Русского Севера, в районах бывших былинных очагов и расселения старообрядцев, а также на юге России, местах жительства казаков-некрасовцев. В свете новых технологических возможностей сотрудниками предпринята попытка создания базы данных архивных и экспедиционных материалов «Национальный звуковой депозитарий» и «Музеи и частные коллекции Севера России».

В последние годы существенно обогатилась база источников фольклорных материалов за счет получения на хранение одной из известных фонографических коллекций Союза композиторов РФ, создателем которой выступил Е. В. Гиппиус.

После продолжительного перерыва увидели свет очередные тома «Свода русского фольклора» «Серия Былины» – «Былины Кулоя» (СПб., 2011. Т. 6), «Былины Пинеги» (СПб., 2012. Т. 7). На стадии издания находятся три тома пудожских былин. Иссле-

довательские статьи и публикации новых архивных материалов вошли в состав периодических изданий Отдела «Русский фольклор» (СПб., 2011. Т. 34; СПб., 2012. Т. 36) и «Из истории русской фольклористики» (СПб., 2007. Вып. 7). За последние три года сотрудниками было выпущено несколько монографических изданий и сборников статей: «Классический фольклор сегодня : Материалы конференции, посвященной 90-летию со дня рождения Б. Н. Путилова» (СПб., 2011); А. А. Горелова: 1) «Народные песни о Ермаке» (СПб., 2011), 2) «Соединяя времена : Исследования. Разыскания. Научно-популярные статьи» (СПб., 2011), 3) «В поисках легендарного Кириши Данилова» (в 2 ч. СПб., 2011); М. Н. Власовой «Неизданные материалы экспедиций на Русский Север. 1926—1928 гг.» (СПб., 2011), А. Н. Власова «Сказания и повести о местночтимых святых и чудотворных иконах Вычегодского-Северодвинского края XVI—XVIII веков : Тексты и исследования» (СПб., 2011).⁴⁷

Несмотря на все сложности существования Отдела народнопоэтического творчества после распада СССР (резкое сокращение финансирования академических изданий, экспедиций, конференций, архивных поисков, ослабление связей с исследовательскими фольклористическими центрами других территорий страны, паралич академического Научного Совета по фольклору и т. д.), Отдел продолжает жить большими традициями петербургской науки и стремится к осуществлению программ, необходимых для возрождения величия России, сохранения ее культурных сокровищ для нынешних и грядущих поколений.

⁴⁷ Заключительный раздел написан заведующим Отдела фольклора доктором филологических наук А. Н. Власовым.